

Second International Conference on Uyghur Studies History, Culture, and Society

Université Libre de Bruxelles (ULB), CERI-Sciences Po,
INALCO, and Central Asia Program at the George
Washington University

November 17-20, 2015

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

SciencesPo
CENTRE DE RECHERCHES
INTERNATIONALES

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

SciencesPo
CENTRE DE RECHERCHES
INTERNATIONALES

**Second International Conference on Uyghur Studies
History, Culture, and Society
Université Libre de Bruxelles (ULB), CERI-Sciences Po,
INALCO, and Central Asia Program at the George
Washington University**

November 17-20, 2015

The Uyghurs are one of the ten most populous stateless people in the world. While they have a long history of cultural accomplishments and political influences, they have remained marginal in international scholarship given their ambiguous position both in regional studies and in 'geopolitics'. Nonetheless, given their contribution to global and regional historical and cultural processes, there has developed a transnational community of scholars whose research is focused on the Uyghur people's history, culture, and society. This four-day conference is the second attempt to bring together a broad spectrum of the international community of scholars whose research is focused on the Uyghur people's history, culture, and society. The conference is organized by the Central Asia Program at the George Washington University, in partnership with the Université Libre de Bruxelles (ULB), CERI-Sciences Po, and INALCO.

Elliott School of
International Affairs
THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

Second International Conference on Uyghur Studies History, Culture, and Society

**Université Libre de Bruxelles (ULB) and
Central Asia Program at the George Washington
University**

November 17-18, 2015

Tuesday, November 17, 2015, Université Libre de Bruxelles

9.00-9.30. Opening Remarks

Andrea Rea, Dean of the Faculty of Philosophy and Social Sciences, ULB

Sean R. Roberts, George Washington University, USA

Vanessa Frangville, Chair Holder in Chinese Studies, ULB

9:30-11:00am. Xinjiang in the Context of China's Global Policy

Chair: Sean R. Roberts (George Washington University, USA)

Andrew Fischer (Erasmus University Rotterdam)

Labour Transitions and Social Inequalities in Tibet and Xinjiang: a comparative analysis of the structural foundations of discrimination and protest

Elizabeth Wishnick (Montclair State University)

Xinjiang and One Belt One Road

Sean Roberts (George Washington University)

Is there an Uyghur Islamist Terrorist Threat?

11:00-11:30am. Coffee-break

11:30am-1:00pm. Security and Social Changes in Xinjiang

Chair: Sebastien Peyrouse (George Washington University)

Michael Dillon (Independent scholar, formerly Centre for Contemporary Chinese Studies at the University of Durham, UK)

Conflict in Xinjiang: Resistance and Resolution

Yitzhak Shichor (Hebrew University)

Suppressing Uyghur Unrest in Xinjiang: the Role of Military, Para-Military and Non-Military Forces

Nimrod Baranovitch (Haifa University, Israel)

The Impact of Environmental Degradation in Xinjiang on Uyghur Discontent

1:00-2:00pm. Lunch

2:00-3:30pm. Societal Evolutions in Xinjiang and among the Diaspora

Chair: Rémi Castets (Michel de Montaigne University)

Andrei Ostrovskii (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

Energy Resources of Xinjiang as the Driving Force for the Development of the Region

Elena Bazhenova (Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences)

Socio-Economic Development of Xinjiang as the Key Point for China 'Silk Road Economic Belt'

Henryk Szadziewski (University of Leeds)

Uyghur Asylum Seekers Since 2009. Observations From Within The Diaspora

3:30-4:00pm. Coffee-break

4:00-5:00pm. The Chinese School System and Uyghur Responses

Chair: Aude Merlin (Université Libre de Bruxelles, CEVIPOL)

Hanna Burdorf (Newcastle University)

Sinicization of the school system in the Xinjiang region

Timothy A. Grose (Rosse-Hulman Institute of Technology)

Protested Homecomings: Xinjiang Class Graduates and Reacclimating to life in Xinjiang

Wednesday, November 18, 2015, Université Libre de Bruxelles

9:00-10:30am. Uyghur Modes of Resistance and Resilience

Chair: Yitzhak Shichor (Hebrew University)

Nathan Light (Uppsala University, Sweden)

Uyghur Culture, Performance and Identity in Contemporary China

Dilnur Reyhan (INALCO, Paris)

Uighur Web: Production Discrimination and Otherness - Representations of Uighur Women in the Digital Space

Jean-Paul Loubes (Laboratory Architecture of Paris-La Villette)

The Fabrication of a Sacred Place: the Cave of the Seven Sleepers of Tuyuk (Xinjiang)

10:30-11:00am. Coffee-break

11-12:30pm. A Vivid Uyghur Culture

Chair: Vanessa Frangville (Université Libre de Bruxelles)

Michal Zelcer-Lavid (Bar Ilan University)

"Green-Colored-Uyghur-Poet": Religious Identity in Contemporary Uyghur Poetry

Elise Anderson (Indiana University)

“The real teachers are those in schools”: Modes of On ikki muqam Transmission in Contemporary Xinjiang

Mukaddas Mijit (Nanterre Paris X)

Uyghur Youth Music: The Parallel World

12:30-1:30pm. Lunch

1:30-3:30pm. Regional Actors and International Responses

Chair: Elizabeth Wishnick (Montclair College)

Isabelle Facon (Fondation pour la recherche stratégique, Paris)

The New Sino-Russian Partnership on the Global and the Regional Scenes

Anna Bondarenko (Independent Scholar, formerly Institute of Far Eastern Studies, Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Multilateral Cooperation between the Altai Territory of the Russian Federation and Xinjiang

Sebastien Peyrouse (George Washington University)

Central Asia’s Position on Uyghur Issue - Caught between Russia and China

Yunus Koç (Hacettepe University)

Turkey’s political stance about the Uyghur issue

3:30-5:00pm. Screening of ‘The Silk Road of Pop’

Introduction by Vanessa Frangville

Second International Conference on Uyghur Studies History, Culture, and Society

INALCO and Central Asia Program at the George Washington University

**November 19, 2015
Salons de l'INALCO, 2 rue de Lille, 75007 Paris**

Thursday, November 19, 2015, INALCO, Paris

**9:00-11:00am. Reassessing the Role of Russia in 19th and 20th centuries
Xinjiang**

Chair: Catherine Poujol (INALCO)

Alexsander Vasilyev (Central Eurasian Research Center of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia)

Alternate Approaches in the Russian Policy to Yakub-beg's State in the 1870-1880s

Nabijan Tursun (Independent Scholar, USA)

Uyghur Sources and Soviet Archival Documents on the Early 20th Century Uyghur History

Vladimir Boyko (Altai State Pedagogical Academy; Research Associate at Altai State University, Barnaul, Russia)

Political Alternatives for Xinjiang in 1940s -50s: Personal, Institutional, and Performing Dimensions

Valerii Barmin (Altai State Pedagogical Academy, Russia)

The role of the Soviet Union in the establishment and operation of the unrecognized Republic of East Turkestan and the position of the United States (1944-1945)

11:00-11:30am. Coffee-break

**11:30am-13:00pm. Multiplicity of Religious Practices in the Uyghur Culture
through Centuries**

Chair: Rémy Dor (INALCO)

Dmitri Vasilyev (Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Traces of Uyghur - Manichean Culture in Rock Drawings in Middle Yenisei Basin

Arienne Dwyer (University of Kansas, USA)

Good and Evil Spirits in the late 19th Century Tarim Basin

Sabine Trebinjac (Laboratory of Ethnology and Comparative Sociologie (LESC), CNRS and Nanterre University, France)

Loplik Living Souls: What Revival?

13:00-14:00pm. Lunch

14:00-17:30pm. New Scholarship on Uyghur Sources

Chair: Dilnur Reyhan (INALCO, Paris)

Dinara Dubrovskaja (Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Sui China and Xi-Yu: Pei Ju's Perspective

Dolkum Kamberi (Radio Free Asia, Washington, D.C.)

Unearthed Täklimakanian Civilization & Uyghur Urbiculture

Aleksandr Kadyrbaev (Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Uighur medieval written in China during the reign of the Mongol: Yuan Dynasty - Uyghurs as the bearers of the Mongols

15:30-16:00pm. Coffee-break

Sergey Dmitriev (Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences, Moscow; Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, Russia)

Some sources about Boquq Khan (epigraphy, numismatic and anthropology)

Ablet Semet (Georg-August-University Goettingen, Germany)

A Brief Study of Late Ottoman Sources on the Uyghurs

Erkin Emet (Ankara University, Turkey)

A General Overview of Scientific Studies Conducted in Turkey in Relation to East Turkistan and Uighurs from the end of 1920s up to Today

Conference to be held in English and Russian with simultaneous translation

Elliott School of
International Affairs
THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

SciencesPo
CENTRE DE RECHERCHES
INTERNATIONALES

Second International Conference on Uyghur Studies History, Culture, and Society

**CERI-Sciences Po, and
Central Asia Program
at the George Washington University**

**November 20, 2015
56 Rue Jacob, 75007 Paris**

Friday, November 20, 2015, CERI-Sciences Po, Paris

9:00-10:30am. China's Political Strategies in Xinjiang

Chair: H  l  ne Le Bail (CERI)

Dru Gladney (Pomona College, USA)
Globalizing China's Uyghur Problem?

Sean R. Roberts (George Washington University, USA)
Development with Chinese Characteristics: The Implications of Top-Down Development in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region

Kilic Kanat (Penn State University, USA)
The Evolution of the Perception of the Uyghur Resistance in China

10:30-11:00am. Coffee-break

11-12:30pm. Uyghur Identity. Resistance, Adaptation, Resilience

Chair: Sean R. Roberts (George Washington University, USA)

Lauren Hansen (Cornell University, USA)
Buying In or Selling Out? Middle Class Sensibilities in the Uyghur City

David Brophy (Sydney University, Australia)
A Second-Generation Xinjiang Historiography: The Comprehensive History Project

Rachel Harris (SOAS, London University, UK)
Song and Dance in Xinjiang: the New Battleground

12:30-1:30pm. Lunch

1:30-3:00pm. The Transformations of Uyghur National and Religious Identities

Chair: Rémi Castets (Michel de Montaigne University, Bordeaux, France)

Rémi Castets (Michel de Montaigne University, Bordeaux, France)

Islam and Politics: Ideological Paths and Mutations of Uyghur Islamo-Nationalism

Mamtimin Ala (Independent scholar, Australia)

'I am not a White Flag': The re-formation of Uyghur Nationalism under Chinese Rule

Rian Thum (Loyola University, New Orleans)

The Twelve Imams in Sunni Khotan

3:00-3:30pm. Coffee-break

3:30-5:00pm. An Internationalized Uyghur Identity

Chair: Bayram Balci (CERI)

Ablet Kamalov (Institute of Oriental Studies and Turan University, Almaty, Kazakhstan)

Transformation of male gatherings mäshräp in the Uyghur community of Kazakhstan

Chienyu Shih (Chuhai College, Hong Kong)

Shaping Uyghur Identity through Cultural Activities: Meshrep among Various Uyghur Diasporas Communities in Europe

Abstracts

“I am not a white flag”: Uighur nationalism under Chinese rule
Mamtimin Ala, Independent Scholar, Australia

This paper intends to articulate the re-formation process of Uighur nationalism since 1949 from three angles. Firstly, Uighur nationalism is a result of Jadidism as a reform movement in Central Asia and the Middle East. Secondly, Uighur nationalism acts as a collective spiritual awakening of Uighurs to the colonial reality that they have been forced to deal with. Thirdly, it argues that Uighur nationalism, in a narrow sense, is a reaction to a growing sense of Chinese nationalism in a conflicting and co-evolving manner with quite significant variations and deflections. Furthermore, it analyses how Uighur nationalism is operative in the context of an increasingly nationalistic tendency of China towards the creation of a nation-state culture in the name of the unification of Zhonghua minzu (Chinese nation or Chinese race). As such, in order to resist this tendency, Uighur nationalism re-defines a variety of cultural signs, traditional values, and spiritual resources to create a discourse of difference as opposed to a centralised and dominant discourse. The paper concludes that Uighur nationalism will play a key role in the painful cultural survival of the Uighurs in the future. It also reveals the complexities of China’s ultimate aim to subsume Uighurs into its mainstream culture through suppressing Uighur nationalism.

“The real teachers are those in schools”: Modes of On ikki muqam Transmission in Contemporary Xinjiang
Elise Anderson, Indiana University, USA

There is a palpable tension that exists between proponents of different modes of teaching and transmitting the on ikki muqam tradition. Instructors who teach muqam in modern institutional settings understand institutional education as a fundamentally modern development project marked by international and scientific symbols such as staff notation, in contrast to the non-systematic, informal, and traditional mode of muqam transmission embodied in the ustaz-shagirt (master-apprentice) system. This paper draws from ethnographic, textual, and audio-visual representations of muqam (and other performing arts) transmission in order to explore how these tensions are articulated in speech and played out in the real practice of arts education. What are the fundamental differences between institutional and ustaz-shagirt modes of learning? Are there markedly different results in the performers that the two modes produce? What do performers and educators have to gain or to lose by promoting one form of learning over the other? This paper is one small part of a larger, ongoing project about pedagogy, learning styles, and views toward development in the Uyghur performing arts.

The Impact of Environmental Degradation in Xinjiang on Uyghur Discontent
Nimrod Baranovitch, Haifa University, Israel

Scholars have identified diverse sources of Uyghur discontent in Xinjiang, the most important of which include repression of religion, socio-economic discrimination, the mass immigration of Han Chinese into the region, and the widely held belief among Uyghurs that the Han Chinese and the Chinese government are trying to annihilate their culture and identity. Another factor that has been mentioned as a cause of Uyghur discontent but received little attention is the environmental degradation that Xinjiang has experienced in recent decades, especially since the launching of the Great

Development of the West campaign in the early 2000s. Indeed, although much has been written about environmental degradation in Xinjiang, especially on the depletion of water resources and the desertification of oases and river basins, little attempt has been made to systematically integrate this body of knowledge with the issue of Uyghur discontent and unrest. The purpose of this paper is to examine references to environmental degradation in Uyghur literature and art and daily discourse. My aim is to analyze Uyghur perceptions of environmental degradation and the meanings that the Uyghurs attribute to this degradation. In addition, I will propose that the environmental degradation in Xinjiang has not only inspired expressions of discontent in literature, art and daily discourse, but has also contributed to violent incidents, including the bloody riots in Urumqi in July 5, 2009.

The role of the Soviet Union in the establishment and operation of the unrecognized Republic of East Turkestan and the position of the United States (1944-1945)
Valerii Barmin, Altai State Pedagogical University, Russia

In 1944, the Soviet leadership initiated a powerful national movement of indigenous peoples in the Xinjiang province against the Chinese administration. Today there is strong evidence to suggest that a significant role in organizing the movement, in its successful insurgency, and in the creation of the East-Turkestan Republic, was played by the Soviet secret service that carried out the decisions of the Soviet leadership.

From the first days of the uprising, it was no mystery to the administration of Xinjiang that the Soviet Union played an active role in the unfolding events. The American consul in Urumqi, Mr. Ward, in a special report to the US Secretary of State wrote the following on the matter: "Every Chinese that the consulate had to communicate with was sincerely convinced that the USSR was involved in the uprising." In his report, however, while setting out the views of the Chinese officials regarding the Soviet Union's role in the unfolding events in Xinjiang and listing all the evidence and testimonies that the Chinese used to support their claims, Ward himself was quite skeptical of the reliability and indisputability of such evidence and testimonies.

One can only speculate about what considerations guided the American consul when sending information to his superiors, with the findings that cast serious doubt on the official view of the Chinese side. Perhaps it was an honest mistake and unwillingness to believe that the Soviet Union was capable of such illegal actions, from the standpoint of international law. At least in the summary to the mentioned report, Ward wrote: "The Chinese believe that the uprising is a Soviet provocation. However, it is unlikely that Russians would go for it in a situation in which they, after all, can find an easy way to refrain from such an action and to avoid charges. They have every reason to claim that the uprising is a protest against many years of bad management on the part of the Chinese."

A little later, in another report, Ward returns to his doubts on the role of Russians in the organization of the uprising, and re-emphasized the following: "... it is very improbable that the uprising was inspired by the Soviets. ... For the Chinese, the idea that Russians are standing behind this is a psychological necessity ... " On the other hand, one cannot exclude the fact that Ward deliberately neglected the evidence of the Chinese, while trying to implement American diplomacy aimed at all-round improvement in Sino-

Soviet relations. Support of the accusations made by the Chinese against the Soviet Union, even on an informal level, in those circumstances could complicate the situation even further. In any case, from 1944-1948 American diplomats did not raise the question of the intervention of the Soviet Union in Xinjiang events.

Social and economic development of Xinjiang as a key point for the program "Economic belt of the Silk Road"

Elena Bazhenova, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Russia

There have been significant changes that have taken place during the period of economic reform in Xinjiang. All the territory of Xinjiang is connected through a network of highway and railway lines that have been built right along the route of the Great Silk Road from Urumqi to Kashi. Because of its socio-economic features, Xinjiang takes the leading position among the provinces and autonomous regions of Western China. It is a good testing arena for the transfer of economic reforms experienced in the East of China and the decreasing demographic pressure there. In 2010, Chinese leadership stated a plan of economic development for Xinjiang under new conditions. Through this plan, a new impulse was to be given to the development of Xinjiang. The scientific and technical innovation system is under way. Today, Xinjiang represents a dynamically developing region with verified high reserves of crude oil, non-ferrous metals, and other resources. The national significance of the region in today's China, which faces a growing need for natural resources, is increasing. The high-rate of economic development generates new jobs and thus contributes to the improvement of the social situation in the region.

The Development of Multilateral Cooperation between the Altai Krai of the Russian Federation and Xinjiang Autonomous Region of China at the Present Stage

Anna Bondarenko, Independent Scholar, Russia

The Xinjiang Uyghur Autonomous Region of China, or the West Region, is bordered by eight states, one of which is Russia. The 54-kilometer long section of the border runs through the Russian Altai Mountains on the one side and the Altai District of Xinjiang on the other. It is the shortest among the West Region's borders with other countries. However, despite the lack of direct transportation links between the two regions, the multilateral cooperation between the Russian Altai Krai and Chinese Western Region is gradually increasing.

After the collapse of the Soviet Union, a new stage in the development of bilateral relations began with the 1999 signing of an agreement to improve trade alongside economic, scientific, technical, and cultural cooperation between the Administration of the Altai Krai and the People's Government of Xinjiang Uygur Autonomous Region of China. In the 16 years that have passed since the signing of the agreement, certain results have been achieved. Trade and economic cooperation has been characterized by an increase in bilateral trade and the creation of enterprises in the Altai Krai with 100% foreign capital, attracting investment and participation in exhibitions. Scientific and educational cooperation has increased the number of students and teachers participating in exchange internships on both sides. The cultural component includes a permanent participation of Xinjiang and Altai creative teams in various events. Also, the

Russian city of Novoaltaisk in the Altai Krai and Altai city of Altai District in the Xinjiang Uygur Autonomous Region have become sister cities. In addition to bilateral relations between the two regions, active cooperation takes place on an interregional basis, for example, through participation in the International Coordination Council entitled "Our Common Home – Altai."

Political Alternatives for Xinjiang in 1940s -50s: Personal, Institutional, and Performing Dimensions

Vladimir Boyko, Altai State Pedagogical University; Director of Asiatic Expert-Analytical Center at Altai State University, Russia

This paper aims to explore the ways and schemes of transformation of Xinjiang – the north-western region of China, which came through political upheavals, external interference, and eventual reintegration into the Chinese governance body after the passage of several decades 1910s – 1950s - from the Xinhai revolution through the rise of the Communists to power. The research is primarily based on findings of Western historiography and archival holdings in K, [colonial & independent] India, and some personal assessments of Kuomintang officials. These, among all, contain valuable data by British embassy/consulates and intelligence, the government of British India, and the ministry of external affairs of independent India, in scholarship of thematic under analysis. Such a source pool complements even prevailing Soviet records, broadly advertised for their rarity, but still hardly available for researchers, either local or international.

The main political players under investigation are the [pro-/nearly] Kuomintang/Chongqing regime, Uyghur nationalists, and Chinese communists, who became eventual winners not only in Han areas, but also on periphery of the country/state, including remote Muslim-populated Xinjiang. In this political kaleidoscope a not minor question is about the main trends and patterns of political development from local, all-national, and regional perspectives: why and how Kuomintang forces first extended control to Xinjiang by the middle of 1940s (by removing governor Sheng Shisai, etc.), but were temporarily challenged by Turkic nationalists and eventually defeated by Chinese communists?

In terms of personalities, Gen Sheng Shisai continued the line of military-civilian power in Xinjiang – he marked the peak and decline for this type of governance by implementing a broad set of reforms in the 1930s, and later cancelling many accomplishments by extreme authoritarianism, purges, and unpredicted foreign policy thereby threatening China's international stand.

Muslim politicians succeeded in re-establishing their rule on [northern] part of Xinjiang, but were excluded from the game as a result of strategic bargains of the Soviets, staking for Chinese communists with their unification approach – prospective, although at that moment minor players in starting cold war. Thus, Han political domination over mainland China gained crucial external support from the Soviets, but it soon took an increasingly radical direction, which closed the agenda for Uyghur and other minorities in Xinjiang. To some extent it mirrored the shortcomings of Soviet nationalities policy, but even more reflected specific alignment of forces within Chinese society and specifically within the multi-ethnic Muslim community. It was split on many lines,

especially politically, and despite coming to field new generation of leaders, armed with innovative ideology, strategy, and tactics, it defeated an important game of the post-WWII era.

This paper highlights the main political strategies and practices in Xinjiang within the time frame of the 1940s-50s as case studies with their concept/action/event history and output, political portrayal of leadership, and international context. The hypothesis is that there were Chinese [Han] communists who benefited favorably from the regional situation for implementing short time “new democracy” ideas, captured from the Kuomintang, but by the end of 1950s they started a new deal in all fields of domestic and foreign policy. This policy froze/postponed the nationalities issue, which is surprisingly alive and threatening many states and civilizations throughout the world in early XXI.

A Second-Generation Xinjiang Historiography: The Comprehensive History Project
David Brophy, University of Sydney, Australia

This year will likely see the release of the Comprehensive History of Xinjiang, a work ten years in the making. This makes 2015 a good time to consider various efforts to establish an orthodox history of Xinjiang. My discussion begins with contemporaneous efforts to found a historiography of Xinjiang in Republican China and the Soviet academy in the 1930s. I then trace the influence of shifts in the official line in Soviet Central Asia, along with the Sino-Soviet split, on Marxist historiography in China, leading towards the Concise History of Xinjiang (1980). This will serve as background to a discussion of the forthcoming Comprehensive History, which reverts to the Republican-era dynastic presentation of Xinjiang’s history. I suggest that while the recent debate on nationalities policy has cooled in China, the new historiography of Xinjiang strongly reflects the influence of the “second-generation” critique of national autonomy.

Sinicization of the Uyghur public school system in Xinjiang
Hanna Burdorf, Newcastle University, United Kingdom

The control over the education sector in Xinjiang is a powerful tool for the Chinese government to further integrate Xinjiang into China. After having consolidated the administrative control of Uyghur schools and their curricula, the introduction of putonghua (Mandarin Chinese) as the main language of instruction opens the door for more Han-Chinese influence in Uyghur public education. But to what extent does this have an effect on Uyghurs and Uyghur education?

I analyze education and language policies and their implementation in order to determine their sinicizing impact on the Uyghur public school system and the Uyghur population. The degree of sinicization varies and ranges from a strong degree of sinicization for Uyghurs educated in Chinese language (minkaohan), to a weak level of sinicization for education in the countryside where the implementation of education and language policies is limited due to a lack of funding and of qualified teachers. The level of sinicization varies depending on the geographic location of schools, the type of school, and the success of implementation of the policies. Even though the spatial and linguistic integration of Uyghur public schools into the Chinese school system is far from

being accomplished everywhere in Xinjiang, sinicization of Uyghur education is intensifying.

Islam and politics: ideological paths and mutations of Uyghur Islamo-nationalism

Rémi Castets, Michel de Montaigne University, France

This study will portray the ideology and mutations of the Uyghur Islamo-nationalist scene. Those small intellectual and militant circles have emerged to promote a socio-political model that would constitute an alternative to Western and Chinese communist models of modernization. The values underlying the legitimacy of the model of “social progress” they promote rely on Islam and more orthodox interpretations of the Islamic corpus.

We will trace back the ideological roots of those circles before seeing how they were revived and how they have tried to structure themselves during the eighties in Xinjiang. Then we will consider the influence of the rise of Islamic revolutionaries currents in the Muslim world, the impact of the new policies aimed at curbing political Islam and activism among the Uyghurs and the opportunities generated by the new geopolitical situation in South/Central Asia (and nowadays in Syria/Iraq). We will see how those factors have led some militants to break with a peaceful return to Islam in order to structure small jihadi groups such as the famous Party Islamic of Turkestan (PIT).

Recently, Xinjiang has known a wave of violence. Some truncated or twisted analysis tend to exclusively portray those dissimilar acts of violence as terrorist acts fomented by the PIT. Without negating the existence and capacity of projection of the PIT, we will see in which way the threat of this foreign based jihadist group tend to be over evaluated, manipulated or leading to shortcuts in the explanation of the rise of violence in Xinjiang. We will eventually evaluate to what extent inequalities, the current attraction/rejection of Western modernity, the rejection/attraction of the model of modernization enforced by the Communist Party and the rejection of the very strict repressive frame in Xinjiang can legitimize (or not) the ideological schemes proposed by Uyghur salafi or jihadi circles today mainly based abroad.

Conflict in Xinjiang: resistance and resolution

Michael Dillon, Independent scholar, United Kingdom

Three types of anti-Chinese resistance can be identified:

1. Local – primarily reactive responses by family, clan, village, and religious groups to arrests, searches, intimidation, or state action against religion.
2. Mountain - guerrilla attacks by militant partisan groups based in the Pamir or Karakorum mountains.
3. External - political support from émigré organisations in Istanbul, Munich, and the United States and militant groups in Kazakhstan and Kyrgyzstan and then in Pakistan - FATA and Gilgit.

Conflict resolution: possibilities and impediments

1. Military and police actions are temporarily effective but create resentment and further resistance.

2. A political solution is necessary and reforms of the existing autonomous region system were discussed within the CCP as early as the 1980s.
3. Beijing blames the Xinjiang conflict on the three external forces: separatism, religious extremism, and terrorism.
4. To reduce conflict, central and regional authorities should negotiate with unofficial groups in Xinjiang and not dismiss all of them as terrorists.
5. Uyghurs who disagree with Chinese policies fear arrest, imprisonment, or execution.
6. Uyghurs who cooperate with Chinese authorities risk attack by militants.
7. How can confidence building measures be developed in spite of these factors?

Some Sources about Boquq Khan (Epigraphy, Numismatic and Anthropology)
**Sergey Dmitriev, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences;
 Moscow State University, Russia**

In some previous publications we already mentioned the legend of Boquq Khan – a mythical ruler, marvelously born from a gnarl on the tree. The most complete (although seemingly very deformed) version of the legend can be found in Juvayni’s work (first half of XIIIth Century); a more original (but much shorter) variant — in the bilingual Uyghur-Chinese “Stela of Merits of Generations of Iduq-quts, Kings of Gaochang” (亦都護高昌王世勛碑), dated back to 1334. Both texts give us a detailed story of the supernatural birth of the founder of the Uyghur Empire from a gnarl on the tree or from the hill between two trees.

But in runic inscriptions of the Uyghur Empire we cannot find anything about Boquq Khan – it seems that Uyghurs of that period had a different view on their history. We know of only two evidences of the existence of this idea from the time of the Uyghur Empire (maybe even a little bit later) – a Manichaean fragment from Turfan, published by Albert von Le Coq, and a coin, found in Turfan, which was issued in the name of Kül Bilge Boquq Uyghur Qagan. Which ruler was mentioned by this name? It’s not an easy question, but we will try to answer it.

It seems that the legend of Boquq Khan should be viewed as one part of a very ancient mythology of the Turkic peoples, mainly forgotten in modern times. Alongside others, this legend was very likely to have been an important part of the worldview of the Basmyls – Turkic tribes who arrived in Turfan before the Uyghurs. In the time of the Uyghur-Turfan Kingdom, Uyghurs absorbed this story and used it for embellishment of a legend about their forfeited empire. Due to the great influence of Turfan Uyghur in the first decades of the history of the Mongol Empire, for a short time this Turfan legend became a very important ideological concept, which strongly influenced first Great Khans and some other peoples and kingdoms of medieval Central Asia.

Sui China and Xi-Yu: Pei Ju's Perspective
Dina Doubrovskaya, Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences, Russia

This talk shines light on the role of Pei Ju (547-626), a high-level Sui and Tang official, in the events leading to Sui Emperor Yan Di’s (604-618) decision to launch new Xi-Yu campaigns. According to Sima Guang (1019-1086), it was Pei Ju’s “sweet songs” that reinvigorated the Chinese ruling elite’s dreams of a Western thrust. It remains uncertain

in historical retrospect whether Emperor Yan Di conceived this idea himself, or if it was indeed Pei Ju and his magnum opus *Xiyu Tuji* that influenced the former's decision to lead several military campaigns that were to decimate the country's coffers and leave Sui and then Tang China mired in grief and debt. But it is certain that it was Pei Ju who insisted on founding Chinese garrisons and small trade cities along the Silk Road and conquering small peoples, like the Tuyuhuns, south of the Gansu corridor (608).

We explore the theoretical and practical implications of Pei Ju's almost-modern concept of a superpower's duty as driving force that brought smaller governments under the aegis of the Chinese Empire—and was dramatically misinterpreted as a pretext to roll out a forceful expansionist agenda.

Good and Evil Spirits in the Late 19th Century Tarim Basin
Arienne M Dwyer, University of Kansas, USA

The spirit world participates together with the human world in everyday life in the Tarim basin oases, at least according to late 19th and early 20th c. manuscripts. As is true elsewhere in the world, spirits have beneficial or harmful effects on human health and behavior, as well as natural phenomena such as the weather and the growth of crops. Spirit mediums operate between the natural, human, and spirit worlds, and thus mitigate the effects of evil spirits, while encouraging the presence and influence of good spirits. How did these spirit mediums fit into concepts of healing? And what distinguishes spirit medium practices in the Tarim basin oases from those of neighboring Siberia and Tibet? From the perspective of indigenous healing practices, this paper attempts to analyze the practices of spirits and spirit mediums in the Tarim basin of that time, and to compare them with regional and modern practices.

A General Overview of Scientific Studies Conducted in Turkey in Relation to East Turkistan and the Uighurs from the end of the 1920s through Today
Erkin Emet, Ankara University, Turkey

At the end of Ottoman Empire and the beginning of the Republic of Turkey, scientific studies aimed at strengthening Turcology as its main purpose in order to build Turkish national identity and to create the nation-state model were accelerated; the research related to language, religion, history, literature, and folklore of the Turkic world gathered speed. Until the 1990s, there were mostly studies on ancient Uighur history and Ancient Uighur language. Together with the dissolution of the Soviet Union and emergence of independent Turkic republics, as well as the discovery of common historical and cultural connections between the Turks of the Anatolian field in Turkey and various other Turkic tribes, research on the language, religion, history, literature, folklore, economy, and art of the Turkic world increased. Studies on East Turkistan, which are an important part of the Turkic world, and the culture of Uighurs living there, increased in this exciting scientific atmosphere, and there have been hundreds of theses and books researched on such topics from the end of 1980s through today; head departments of Uighur language and literature were established in universities. In this manifesto, I will try to analyze the studies in question under four sections as master's theses, doctorate theses, books, and Uighur language education.

A new Sino-Russian partnership on the global and regional scenes?

Isabelle Facon, Fondation pour la recherche stratégique, France

The Ukrainian conflict and the ensuing unprecedented crisis in Russia-West relations have been widely perceived as a game changer in the “strategic partnership” between China and Russia, thus far characterized by a lot of ambivalence on both sides. An assessment of the evolving interaction between Moscow and Beijing both on the global stage and on the regional scene will help to measure the effective depth of the redefinition of the bilateral partnership.

Labor Transitions and Social Inequalities in Tibet and Xinjiang: a Comparative Analysis of the Structural Foundations of Discrimination and Protest

Andrew Fischer, Erasmus University, Rotterdam

A comparative overview of labor transitions and social inequalities in Tibet and Xinjiang in the context of rapid growth from the mid-1990s to 2010 provides particular insights into the nature of widespread grievance and social protest in both regions. ‘Labor transitions’ refer to proportionate shifts of employed people out of agriculture and into other sectors of employment such as manufacturing, construction or services. Such transitions can be seen as reflecting underlying structural conditions of socio-economic change. They are here explored through a comparative trend analysis of aggregate employment, wage and national accounting data, as well as household income and education data from household surveys and my own insights from fieldwork in Tibet. This approach is used as a means to reflect on the speed and characteristics of the socio-economic change that has been induced in these areas within a very short period of time – even after taking into account their very different starting points from other regions in China – with effects on people’s lives and livelihoods that have been occurring in very real and rapid ways. These are in many respects irreversible and are quickly transforming the landscape faced by the current generation of young Tibetans and Uyghurs. Moreover, the fact political disempowerment and disadvantage that faces these minorities impedes their ability to mediate the speed and course of these transitions.

For the purpose of analysis, the Tibet Autonomous Region (TAR) and the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR) are compared to several other provincial cases in Western China and the national average. Given that the Uyghur population of Xinjiang is currently in the minority (unlike in the TAR, where Tibetans are still a predominant majority), some additional insights on Kashgar and Khotan (Ch. Hotan) prefectures are provided, where available, given that these two prefectures are still predominantly Uyghur, like the TAR.

Accordingly, a strong contrast between the labor transitions of the TAR and Xinjiang became apparent in the 2000s, at least up until about 2010. Development strategies in the TAR and other Tibetan areas appear to have placed an overriding emphasis on urbanisation, to the extent that rapid subsidy-sustained growth has been associated with a rapid transition of the local (mostly Tibetan) labor force out of the primary sector (mostly farming and herding). As a result, within one decade the TAR to a considerable degree caught up with the (also rapidly changing) norm in China, albeit without the productive economic foundations to support these changes. In contrast, labor

transitions in Xinjiang, and especially in Kashgar and Khotan, appear to have been exceptionally slow compared to elsewhere in China except Gansu. Similar to Gansu, Xinjiang appears to have experienced a ruralisation of its labor force, although not necessarily an agrarianisation because this expansion of rural employment appears to have taken place in non-farm secondary and tertiary sectors.

Nonetheless, the definitely slower pace of labor transition out of agriculture is perhaps indicative of a development strategy that places greater priority on an agrarian labor regime that restricts labor mobility relative to other parts of China. Within this context, social inequalities also appear to have followed different trends, albeit with similar indications of an intensification of exclusionary pressures at the upper end of the labor hierarchy in urban areas, in which both Tibetans and Uyghurs were already hugely underrepresented relative to their population shares in the early 2000s. Indeed, such intensifications of exclusion and the synchronicity of the large-scale protests in both regions despite quite different structural socio-economic circumstances is suggestive that minority grievances have been driven by a common, particularly assimilationist and discriminatory macro political and economic context that is, somewhat ironically, associated with the era of 'harmonious society' under the leadership Hu Jintao.

Globalizing China's Uyghur Problem?
Dru C. Gladney, Pomona College, USA

Widespread suspicions that the August terrorist attacks in Thailand were related to China's Uyghur, as well as Chinese fears of "home grown" Uyghur terrorists returning from supposed ISIS training camps in Syria to wreak havoc throughout China, from Urumqi, to Beijing, to Kunming, suggest that what was primarily a domestic concern within China may now have gone global. The widely dispersed Uyghur diaspora have become increasingly connected and engaged in advocacy on behalf of the plight of the 10 million Uyghurs still under an increasingly repressive Chinese rule in Eastern Turkestan. This paper examines not only the globalization of China's "Xinjiang problem," but also the role of global social media and Western scholarship in shaping and interpreting Eastern Turkestani "separatism" in China. Some have suggested that China has already experienced a "twitter revolution" in Xinjiang as early as 2009. The July 5, 2009 riots in Urumqi were attributed by the Chinese state to "outside forces," yet very few of the issues raised by the protesters invoked demands extending beyond China's borders. While Chinese state media have long attributed Uyghur protests and violent actions to radical Islam and separatism, few of the incidents have involved calls for jihad or an independent "Eastern Turkestan." Are the on-going problems in Xinjiang an "Islam" problem or a "Uyghur" problem? Are these challenges for China, heretofore domestic, going global?

Traditional approaches to identity conflicts and nationalism have insufficiently theorized the role social media plays in helping to construct translocal identities rooted in ethnic spaces and national boundaries. In addition, few have examined the increasing debate promulgated in China regarding its ethnic policies following the 2008 and 2009 uprisings in Tibet and Xinjiang. This paper will seek to explore the effects of these events on China's religion and minority policies and the role social networking has played in shaping a transnational diasporic community with strong ties to the Eastern

Turkestan region of Xinjiang that lays claim to a land and history that is no longer its own.

Protested Homecomings: Xinjiang Class Graduates and Re-acclimating to life in Xinjiang

Timothy A Grose, Rose-Hulman Institute of Technology, USA

This paper examines the experiences of young Uyghurs who have graduated from the Xinjiang Class boarding schools (Ch. neidi Xinjiang gaozhong ban) and returned to Xinjiang. Contrary to the political goals of the Xinjiang Class, few of its graduates return to the region with the intention of serving the Party. More often, institutional restraints that cripple mobility in China, unrelenting pressure from family members (especially parents), and inconveniences adhering to Islamic practices in neidi (Inner China), compel these individuals to return. The return, however, only marks the beginning of a sometimes frustrating process of reintegration. The second part of this paper describes how these young adults reacclimate to daily life in Xinjiang. Based on yearly research trips to Xinjiang from 2012 to 2015, many Xinjiang Class graduates find it initially difficult to re-establish a genuine sense of belonging in Xinjiang. This is especially true among women who are often expected to conform to rigidly defined sets of gender roles. Regardless of gender, social anxieties are often compounded by Xinjiang Class graduates' inability to secure prestigious, well-paying jobs. As a result, a sizeable group of Uyghur intellectual elite are reluctantly reestablishing roots in Xinjiang's major oases.

Buying In or Selling Out? Middle Class Sensibilities in the Uyghur City

Lauren Hansen, Cornell University, USA

The rhythms of twenty-first century urbanization and the exponential rise of both domestic and cross-border trade in Xinjiang make clear that development in the region is viewed as both a worthy end in itself and, perhaps more importantly, a means of answering China's 'ethnic question.' In other words, the Chinese state wagers that development is a can buy, if not a wholehearted embrace of Chinese governance, then at least material buy-in and de facto acceptance among Uyghurs. Yet this focus on reworking state-society relations seems to come at a cost: to date, there has been little political or academic consideration of the ways in which development, with its particular system of constraints and rewards, complicates and reworks intra-ethnic relations in Uyghur society. This paper makes use of fieldwork observations and semi-structured interviews conducted in Urumqi from 2013 to 2014 to more closely examine the evolution of class in contemporary Uyghur society. I argue that development has made (or perhaps made more obvious) a gulf between those Uyghurs who align with the state – at least insofar as they engage with institutions of the state in education, employment, and housing – and those who do not. Insofar as the rich and poor work in the private sector and have a different degree of cultural and religious autonomy, there is a qualitative tie that binds these groups and separates them from a middle class composed largely of salaried public-sector employees.

Song and Dance in Xinjiang: The New Battleground

Rachel Harris, SOAS, University of London, United Kingdom

In a speech at the National People's Congress in March 2014, the deputy chair of the China Dancer's Association, Dilnar Abdulla, claimed that 'religious extremists' in Xinjiang were 'campaigning for the commoners not to sing and dance.' Since then, organised song and dance events have become a cornerstone of the anti-extremism campaign, including 'weekly meshrep to counter extremism,' and mass dancing displays to the pop song 'Little Apple'.

Song and dance has long served the Chinese Communist Party as a symbolic and motivational tool, and there is a powerful association between China's 'minority nationalities' and song and dance; one which many Uyghurs still embrace as a key aspect of national identity. Historically in Uyghur society musical culture has thrived alongside, and often in creative tension with, more orthodox interpretations of the permissibility of music and dance in Islamic custom.

There is limited evidence from inside Xinjiang to support Dilnar's claims, but certainly material of this nature is circulating on Uyghur-language websites abroad. Commentators have noted a growing trend to avoid music and dancing at weddings in Khotan. This paper asks: why are these proscriptions against music becoming more widespread in Uyghur society, and what are the implications of this foregrounding of musical culture in the current political struggle?

Uighur Medieval Written Language in China during the Reign of the Mongol Yuan Dynasty: Uighurs as Cultural Triggers of the Mongols

A. Sh. Kadyrbaev, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Russia

The people of Central Asia, who conquered China, usually created their own written languages, which were in some ways part of the overall context of the culture of China and Central Asia. They competed with Chinese writing - the most powerful means of writing in the region, for which there was a strong ages-old cultural tradition. It is noteworthy that almost all of these writings, which were alphabetic with an exception of the Tangut, could not withstand the competition with the Chinese, except for Uighur writing, on which Mongolia functioned until the first decades of the 20th century. Khitan, Jurchen, and Tangut writing disappeared along with the people who used them. Chinese writing has had a marked impact on the alphabetic writing of neighboring nations, both in terms of graphics and spelling. Familiarity with alphabetic writing had an impact on the Chinese philology; it contributed to the formation of a new philology and to the improvement of the old methods of traditional philology.

Mongolian alphabetic writing was introduced to China in the middle of the 13th century, and medieval Uighurs had an interesting role in this. For almost five centuries they went through several stages of public life - from the nomadic power in the Orkhon in Mongolia, to various principalities in Eastern Turkestan and northwest China, independent or included in the Tangut (Ci Xia), the Western Liao (Liao Ci) and, finally, the Mongolian state of Genghis Khan. The developed system of writing, Sogdian in origin, penetrated the Mongols, where it lingered in a reformed version and served the entire Mongolian world for seven centuries. The Uighurs stood at the cradle of the Mongolian written language and literature of the 13th century. Uighur medieval letters served the Mongolian written word as a flexible tool in fixing court records of Shiki-Hutuhu Noyon

- an adopted son of Genghis Khan - it served poems comprised by contemporary poet D. Natsagdorzha, the not extant medieval Mongol "Golden Book," and the new Mongolian books of the 1930s. Mongolian words and expressions of Uighur medieval origin still exist, as does the Uighur alliteration of poems and forms of Mongolian quatrains, known even by the early translations of Buddhist writings. In the Mongolian translation of the texts, which is important for the formation of a written and literary language, the impact of the Uighur experience, which combined the traditions of Central Asia and China, is traced.

Transformation of male gatherings mäshräp in the Uyghur community of Kazakhstan

Ablet Kamalov, Center for Uyghur Studies and University 'Turan', Kazakhstan

This paper will examine a transformation of the social institute of mäshräps as well as that of jigit beshi (chief of local communities) in the Uyghur community of post-Soviet Kazakhstan, looking at them as a way of self-governance and establishment of alternative spaces for accommodating activities that maintain ethnic identity of the group and help overcome economic hardships (social security). The paper will discuss how traditional mäshräps have been revived during the perestroika period and then in early 1990s re-emerged under influence of Uyghur traders from Xinjiang. Discussion of how mäshräps became effective instrument of resolving social problems of the Uyghur communities of Kazakhstan will be put into the general context of historical development of this social institute in both the Uyghur's homeland, Xinjiang, where these gatherings have been prohibited since 1997, and in the Semirech'ye oblast of the Russian Empire.

Analysis of the materials allows for differentiating between two types of mäshräps existing in the Uyghur society of Xinjiang: a) the first one implies regular gatherings of a small group of people, around 25-30 males united by location, age, and/or social affiliation. While boundaries between different social groups were not the main criterion for forming mäshräp groups, they were framed mainly by geographical locations. The main goal of this type of gathering was to provide a space for communication, networking, and entertaining (taking rest after the harvest seasons). Such type of mäshräps have been recorded among the Taranchis of Semirech'e since the late XIX century; b) at the same time the term mäshräp was used for big parties not only for males, but also females, and was a purely cultural event during which attendees were served food and played music and danced. These gatherings were usually held in big gardens during warm seasons, or in peoples' yards. By the same token, in present day Kazakhstan the term mäshräps is used for various gatherings (olturush), including those following normative standard mäshräps with strict regulations and hierarchal structure.

This paper will also discuss another social institute of jigit beshi closely related to mäshräps. In Kazakhstan both mäshräps and jigit beshi have been institutionalized within the Republic Ethnocultural centre of the Uyghurs of Kazakhstan, representing the Uyghur ethnicity in the Assembly of people of Kazakhstan. Councils of jigit beshis are one of the organs of this public organization. Local authorities not only tolerate the existence of a network of jigit beshi, but involve these non-official leaders of local communities to control or mobilize people for certain actions. The paper will also look

at male gathering *mäshräps* as self-governing institutes, which helps the Uyghur minority survive in the new social environment in independent Kazakhstan, and at its role in shaping Uyghur ethnic identity. In contrast to *mäshräps* Uyghur female gatherings (*chai*) have a mainly communicative function, although they are an important socialization agency as well.

Unearthed Täklimakanian Civilization & Uyghur Urbiculture
Dolkun Kamberi, Radio Free Asia, USA

Since the 1980s, the advent of oil exploration and the construction of buildings and irrigation projects, funds and equipment have allowed archaeologists to penetrate previously unexplored regions. In this way, new and exciting discoveries are becoming a regular occurrence. The Tarim Basin lies in the southern part of the Uyghur Region. It provides ideal conditions for the preservation of ancient city sites, artifacts, and relics. In the early part of last century, intrepid foreign explorers explored ancient sites along the Silk Road. Their accounts, maps, and the materials they collected have formed the foundation for archaeological work after the establishment of the Uyghur Autonomous Regional Museum in 1953. I was personally involved during the 1980s unearthing dozens of desiccated corpses at ancient sites along the periphery of the Tarim Basin. Based upon radiocarbon analysis, these ancient Täklimakanians lived between 2000 BCE and 600 CE. Many of these corpses are startlingly well-preserved. The exploration of the many ancient cities' sites and discoveries of the ancient mummies during my team's exploration have stirred excitement around the world. These discoveries have not only captured the popular imagination, they have also challenged the scholarly world by adding fuel to an already heated debate concerning the origins and development of the Täklimakanians who inhabited the Tarim for thousands of years.

Although the puzzle of the Täklimakanians has been studied for more than a century under the lens of comparative linguists and historians, archaeology has played an increasing role in aiding experts to construct a chronology for their occupation of different regions in Eurasia. Since last century, Tarim discoveries add a new dimension to this debate as new evidence. With my many years of archaeological field work, study, analysis, and research on ancient Tarim civilization, I have learned that the early residents of the Tarim Basin were principally Täklimakanian (Uyghurs). Racially they had mixed features of Caucasoid and Mongoloids. It is clear that the ancient Täklimakanians did not belong to a single homogeneous group, just as the Central Asians who still live there today do not. The Tarim Basin's unique geographic environment and arid climate have enabled ancient tombs, mummies, petroglyphs, and city sites to survive; they have also permitted Buddhist caves, innumerable cultural relics, underground antiquities, and invaluable treasures to exist. In addition, the research paper will present scores of unearthed manuscripts; medieval travelers' accounts; and historical heritage of well-developed Uyghur literature regarding its civilization and urbiculture.

The Evolution of the Perception of the Uyghur Resistance in China
Kilic Bugra Kanat, Penn State University, USA

Since the end of the Cold War, the perception of the Uyghur Question by the Central Government has evolved significantly. The issue had always been considered a critical

problem by the government in Beijing, however the ethnic unrest in Xinjiang started to be perceived differently with the end of the Cold War. First of all, the independence of the Central Asian Republics and the uprisings in Xinjiang dramatically altered the handling of the issue by the Central Government. The perceived threat level rose significantly following similar forms of ethnic unrest and increasing attention of the international community. Followed by the rise of Chinese economy and the increasing integration of China to the international system, the issue became more international in China and a campaign was launched by Beijing to crackdown on Uyghur opposition not only in China, but also in the region as a whole. With the September 11 attacks on the United States and the global war on terror, the Chinese government once more tried to internationalize the conflict by identifying the dissent in the region with international terrorism, however, it seriously backfired and the Uyghur problem became a significant human rights issue worldwide. In the final phase, with the further rise of China and the changes in regional geopolitics, the issue today is considered not only a threat to national unity and territorial integrity in China or a question of terrorism, but more importantly it has come to be regarded as a strategic and geopolitical issue. This evolution complicates the potential solutions to the problem and its handling by the Chinese authorities. In this paper the evolution of this process will be discussed with its possible implications to Uyghur dissent and potential paths to resolution.

The Latest Discussions Related to Uyghur-Oghuz Relations in the Periods of II East Göktürk Khanate (681- 744) and Uygur Khanate (742-840)

Yunus Koc, Hacettepe University, Turkey

The two words, Uyghur and Oghuz, referring to two communities/clans, are often mentioned in both Chinese historical sources and Orkhon inscriptions. In addition to etymological and statistical findings, these two names are also often mentioned together. Comparative studies are carried out on these two communities, who played a role among all Turkish communities and affected them politically in the period of II East Göktürk Khanate and Uyghur Khanate. These studies are carried out by not only some sinologues such as Pulleyblank and Chavannes, but also some Turcologists. After J. Hamilton published a work about the problem of nine-ten Uyghur in 1962, some Turkish historians such as Sümer, Ekrem, Ercilasun, and Taşağıl also began to deal with this problem.

In addition to discussions about the etymologic part of this problem and the development of written translation, we need to focus on which communities are referred to with these two names in Turkish and Chinese historical sources. In this context, we must put emphasis on the political and historical roles played by these two communities by re-examining these two names and their alternatives. Moreover, these two clans/communities, which expanded to different areas and separated from each other in the next centuries, are needed to be compared to each other in terms of their languages and cultures despite their changing conditions. If we also make a similar comparison between other Turkish clans and their next generations by considering all historical conditions of their similarities and differences, this comparison can allow us to learn the situation surrounding interactions in the Khanate period. It is possible to open a discussion by considering the phases experienced during the dissolution of the Turkish clans, which maintained their semi-nomadic life in a vast geography and were organized as various federations at different points in time.

The discussion is whether the clans, which take part in the great political confederations' centres and margins, are close to or far from each other, rather than the discussion of Oghuz-Uyghur or nine-Oghuz ten-Uyghur. If we consider these two communities with political alliances formed voluntarily or forcefully, other confederations formed around these alliances and historical process led by dissolution, these two communities actively take part in the political and geographical centre of almost all confederations. More clearly, these two clans, or cluster of clans, under the Oghuz and Uyghur name take part in the political and geographical centre of all Göktürk and Uyghur confederations from the foundation of I Göktürk Khanate through the collapse of Uyghur Khanate. It can be claimed that these two communities, which were the founders and effective political powers in the center, formed a homogeneous structure.

Therefore, these two communities could become close to each other in terms of their characteristics of language and culture despite a very long passage of time, distance, and the effect of various places of interaction. In the beginning of 20th century, Turkish spoken in Uyghur regions and the Oghuz dialect spoken in Asia Minor were closer to each other than the other dialects were. The Oghuz dialect, or Western Turkish, and the Uyghur dialect were so close that the people speaking one of these languages could communicate with someone speaking the other quite easily. It is because these two communities had been in the political and geographical centre of the confederations since early in the middle ages, which included all Turkish speaking communities or at least parts of them.

Uyghur Culture, Performance, and Identity in Contemporary China
Nathan Light, Uppsala University, Sweden

Uyghur cultural practices and identity are key elements in a tense drama that plays out in a wide variety of public spaces within China and internationally. Many studies draw attention to violence and human rights violations in contemporary Uyghur experience. Other studies attempt to contextualize Uyghur practices within historical processes. Within China many different institutions jostle to create official definitions of Uyghur history, culture, and citizenship.

Drawing on my own research and that of others, on historical narratives, ethnic identity, cultural performance, and everyday sociality, this presentation sketches some theoretical models that can contribute to understanding the ways Uyghur practices and ideas are contested within individual and collective processes. The theoretical models relied upon here include work on symbolic capital, cultural intimacy, stigma, face, irony, cognitive schemas, imaginary institutions, and collective representations. The goal of this presentation is to sketch a synthesis or at least common ground that productively combines diverse models for understanding the many facets of Uyghur experience and practice in contemporary China.

The Fabrication of a Sacred Place: The Cave of the Seven Sleepers of Tuyuk (Xinjiang)
Jean Paul Loubes, Laboratory Architecture of Paris-La Villette, France

In their need to manifest their relationship with the afterlife, men have taken advantage of the most diverse geographic and spatial configurations. The result is a sacred

geography composed of sites and buildings where narratives, myths, and mysteries that structure religion and philosophical systems are localized. There is a singular permanence of this sacred geography and reuse of places by different succeeding religions. Religions and ideas circulated between the West and East by the Silk Roads. Thus, the oasis of Turfan (Xinjiang, China) has witnessed a succession of Buddhism, Manichaeism, Nestorian Christianity, Islam, plus some elements of shamanism and traces of Zoroastrianism that permeate religious rituals even today and characterize the Sufism of 'Central Asia. The site of Toyuk continues with its cave of the Seven Sleepers, a Christian legend taken up by the Koran. The place reflects the reuse of a Buddhist site by local Sufi Islam, impregnated by shamanic references. Archaeologists and anthropologists occasionally became sleuths and reconstructed a still visible history in this place of pilgrimage. The communication is based on architectural surveys revealing and tracing the fabrication of this sacred geography.

Uyghur Youth Music: The Parallel World
Mukaddas Mijit, Nanterre Paris X, France

What kinds of music are Uyghur youth expected to listen to? This has been a recurrent topic among all generations. Elders reputedly accuse the young generation of being responsible for the destruction of their “long lived” musical heritage. Youth claim a lack of liberty for their new creations, even inspired by the old traditions.

As with anywhere else, globalization has “successfully” hit this part of the world. With the help of the blossoming cassette industry of the late 1980s, young musicians have been progressively exposed to American and Chinese rock bands, as well as Turkish and Central Asian pop music. Bollywood films fascinate Uyghur society with their ability to synthesize traditional and modern musical styles. Exposure with the outside world has influenced the music industry by creating a hybrid musical genre in big cities like Ürümqi, or more surprisingly in Khotan. From the beginning of the 1990s, the idea of creating a band with Western instruments (guitar, drums, bass) had helped young musicians who could not connect to the highly crystallized 12 muqam tradition. They started to create a parallel music world while continuing to define themselves as part of Uyghur music. Some of this new music has become an intentional aspect of the construction of national identity, defending “Uyghurness” at international music festivals.

This paper aims to highlight this new movement in music around the Uyghur region, analyzing recent musical repertoires and several musicians’ path to understanding what their sounds and messages are.

Energy Resources of Xinjiang as the Driving Force for the Development of the Region
Andrei Ostrovskii, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Russia

After adopting the “Development Program for Western Regions” in 2000, a lot of infrastructural projects and mining industries have developed in Xinjiang. Xinjiang has an important role in providing China with energy resources—the share of crude oil

reserves here is 30 percent of China's total reserves, the share of natural gas – 34 percent, and the share of coal – almost 40 percent.

Until recently, the economy of Xinjiang was almost entirely subsidized with allocations from the central budget. After beginning the exploitation of the verified rich oil and natural gas deposits, several regions of Xinjiang became donors both for local and central budgets. This applies to the major oil-producing region of Karamay, as well as the Turfan-Hami and Korla regions with their intensive production of oil and natural gas. Xinjiang's oil production has increased three-fold since 1990. Beginning in 2009, Xinjiang takes second place in natural gas production and fourth place in crude oil production in China. Thanks to the developing oil and gas industries and the fulfillment of the project "Economic Belt of the Silk Road," Xinjiang can become a new driving force for China.

Uyghurs Political and Social-economic Stakes in Central Asia
Sebastien Peyrouse, The George Washington University, USA

This paper will address the social and economic status of Uyghurs in Central Asian republics as well as their role in these countries' domestic and foreign policy, especially with China.

For several decades, Beijing has been trying to prevent the strengthening of Uyghur separatism and, since the fall of the Soviet Union, has viewed this issue as a fundamental element in its relations with Central Asian countries: They have exerted political pressures on the Central Asian governments to monitor Uyghurs and their associations, both directly and within the Shanghai Cooperation Organization. We will also address the social and economic issues that Uyghurs have been facing for the last ten years. Among others, the role of mediators Uyghurs played in the emerging Chinese trade with Central Asia has been more and more hampered by political suspicions. A last point will be devoted to the Central Asian narratives (political circles, academics, and expertise) on the Uyghurs living in the region and in China. Beijing's handling of the Uyghur problem is far from having the unanimous support of the region, and many experts criticize the general marginalization of the Uyghurs.

The Uyghur web: Producing Discrimination and Alterity. Representing Uyghur Women in the Numeric World
Dilnur Reyhan, INALCO, France

For a migrant community, new technologies constitute a key element of any social links/bonds. New technologies allow for a territorially dispersed community over all continents to communicate quickly and efficiently. It is challenging to get reliable statistics about the number of Uyghurs abroad, but an accepted number is a 1.5 million strong diaspora. The Uyghur web, composed mostly of blogs and forums, is a good example of the use of these new technologies. Texts spread throughout them are widely read and shared. For a few years, a myriad of female blogs/forums have developed. Our analysis of them shows that they often promote numerous stereotypes about gender issues and do not really objectively represent the situation of many female Uyghur migrants. These web productions are mostly conservative, and reproduce a classic ideology of discrimination toward women, calling for a come back to a traditional, male-

centered, social order. In this paper we propose to discuss this numeric production through three articles widely spread and discussed on the web, which discriminate against Uyghur women precisely at the moment when they acquire new roles and statuses in the broader Uyghur society.

Development with Chinese Characteristics: The Implications of Top-Down Development in the Xinjiang Uyghur Autonomous Region

Sean R. Roberts, The George Washington University, USA

Until the post-Cultural Revolution period, central authorities in China had done little to develop the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR). Since the 1980s, however, the People's Republic of China (PRC) has increasingly focused on how to spur development in its less developed western regions, including the XUAR. In the XUAR, this effort has been particularly motivated by two factors: 1) the desire to better integrate Uyghurs into the PRC and to ensure their loyalty to the state; and 2) the desire to exploit the XUAR's border regions to promote the extension of Chinese economic influence and trade into Central and South Asia. While development in the XUAR over the last two decades has been substantial and rapid, it has only furthered the second objective noted above – the extension of Chinese economic influence into Central and South Asia. In terms of inspiring loyalty to the PRC among Uyghurs, development efforts in the XUAR have actually had a negative impact. This paper argues that this outcome is a result of the PRC's outdated top-down approach to developing the XUAR, which is squarely based in the modernization theories of the 1950s and 1960s. In the XUAR, this approach to development has overall alienated Uyghurs, displaced them from their traditional communities, and cultivated increased discontent as well as at times violent responses. Thus, development in the region has largely estranged its Uyghur population from, rather than serving to integrate it into, the state

Is There a Uyghur Terrorist Threat?

Sean R. Roberts, The George Washington University, USA

The People's Republic of China has long experienced difficulty integrating its Uyghur ethnic minority due to this population's general belief that the territory of the Xinjiang Uyghur Autonomous Region (XUAR) is its homeland and should be recognized as an independent Uyghur state. This desire for independent statehood among the Uyghurs was further motivated by the independence of the former Soviet Central Asian states on which the XUAR borders in the early 1990s. As a result, throughout the 1990s, there were signs of dissent among China's Uyghur population, which at times was manifested in violent conflicts with symbols of the state. Although these instances of violence were often spontaneous reactions to state limits on Uyghur political expressions, the PRC frequently blamed them on "splittists" and "separatists" who had infiltrated the Uyghur population from abroad. Following the 2001 September 11 terrorist attacks on the U.S., the PRC began re-defining these instances of violence as "terrorism," suggesting that they were motivated by international terrorist networks, which sought to infiltrate local Uyghur communities. Subsequently, the Chinese state has labeled virtually all forms of dissent among Uyghurs as "terrorism." This paper examines whether it is appropriate

to characterize violence in the XUAR over the last twenty-five years as well as most contemporary symbols of resistance and dissent among Uyghurs as “terrorism.” Additionally, it explores the implications of labeling domestic political dissent as “terrorism.” Finally, the paper poses the question in the light of recent events of whether the anti-terrorism policies of the PRC over the last fifteen years have actually made Uyghur terrorism a self-fulfilling prophecy.

A Brief Study of Late Ottoman Sources on the Uyghurs
Ablet Semet, Georg-August-University Goettingen, Germany

There are many sources for modern Uyghur studies that have already been analyzed, especially Chinese, Russian, and various European sources on the history of the Uyghurs in the nineteenth and twentieth centuries. Amongst Ottoman sources, scholars have examined official government documents, especially related to Yaqub Bek’s time. For example, archive documents, such as official letters between the Ottoman rulers and Yaqub Bek, have been studied extensively. However, later sources, especially magazine and newspaper reports, are still awaiting the attention of scholars.

During my research project on the relationship between the Ottomans and the Uyghurs, I have looked at many different types of documents. In particular, I have found Ottoman magazine reports from the period of 1908 to 1923 to be of great interest. This is a very short period of time, but these reports cover a broad variety of topics and also demonstrate a shift in the focus of Ottoman interest in the Muslims of Chinese Turkistan. Although the sources are not abundant, they do constitute an important supplement in researching the language, religion, social life, politics, and history of the Uyghurs.

In my presentation today, I will discuss selections from different Ottoman magazines and newspapers and explain how the Ottoman Press obtained their reports. I will look specifically at how the Ottoman press obtained their information about the Uyghurs and give some examples of reports on the Uyghurs found in these sources. I will also discuss how these sources have influenced my research, including my fieldwork in China.

Suppressing Uyghur Unrest in Xinjiang: The Role of Military, Para-Military and Non-Military Forces
Yitzhak Shichor, The University of Haifa; The Hebrew University of Jerusalem, Israel

Conventional wisdom, as articulated by the media and even by some academics, assumes that Chinese regular armed forces are in charge of suppressing domestic unrest, primarily Uyghur unrest. Comparing the Chinese military attitude toward internal peacekeeping missions to those of armed forces in other countries and in historical perspective, this paper argues that the Chinese People’s Liberation Army (PLA) has been reluctant to become engaged in such a mission – not unlike other foreign military systems. While officially and ideologically the PLA is expected to handle all security contingencies, external and internal, since the 1980s, internal security missions, not least of all in Xinjiang, have been assigned to the People’s Armed Police (PAP); the local militia and public security forces; the Xinjiang Production Construction Corps (XPCC, or the bingtuan); as well as to special anti-terrorism units. It is precisely this diversity of forces that slows down the response to Uyghur unrest, which in turn has

entailed further deterioration, brutality, and bloodshed. These have been further complicated and aggravated by airlifting troops from other provinces, troops that are not familiar with the local situation, language, culture, and patterns of behavior.

Shaping Uyghur Identity through Cultural Activities: Meshrep among Various Uyghur Diaspora Communities in Europe

Chienyu Shih, Chuhai College, Hong Kong

Meshrep (مەشرەپ in Uyghur language) is a collective social activity which not only displays a communal entertaining function, but also corroborates the transmission of cultural and ethical values in contemporary Uyghur diaspora communities. Diaspora meshrep may simply be constituted by a gathering of Uyghur men and it stereotypically includes music, dance, banqueting, cheerful conversation, and also an informal moral tribunal within a specifically arranged context. In 2010, the Chinese government successfully appealed to UNESCO to list the traditional meshrep in its List of Intangible Cultural Heritage in Need of Urgent Safeguarding, and started to canonize its form and the content of its practices.

In the last decades, the practice of meshrep in Xinjiang may also have had political implications, such as those which provoked the Kuljia/Ili incident in 1997, when a number of Uyghur youths resorted to extra-legal means to enforce the traditional Islamic moral precepts against gambling, alcohol, and drug abuse within their communities. In such a way, meshrep has gradually developed into a possible source of conflict and anti-government protest. Even the Uyghur diaspora communities, despite all the limitations, still appear to be committed to a continuous or intermittent practice of meshrep in European countries where they have settled.

So far, very limited research has been conducted on the topic of meshrep, especially for the diaspora type. The proposed article will consequently concentrate on providing a full account of this social practice by means of observation taking place mainly in Belgium and Germany. This research will encompass: 1) How the practice of meshrep is currently structured in several Uyghur diaspora communities, and its variations in contrast to the typical meshrep of Xinjiang; 2) An investigation into the modes and mechanisms whereby meshrep may possibly consolidate and strengthen social support for a particular Uyghur leadership in diaspora communities; and finally 3) An evaluation of whether the analysis of meshrep as social practice may help in pinpointing some key elements of the Uyghur ethnic/national identity.

Uyghur Asylum Seekers since 2009: Observations From Within the Diaspora

Henryk Szadziwski, Uyghur Human Rights Project, USA

In July 2015, 109 Uyghurs were forcibly returned to China from Thailand in an action that propelled the issue of Uyghur refugees into the international consciousness. The move was preceded by the safe passage of 173 Uyghurs from Thailand to Turkey. While the episode was marked with senior level diplomatic contestations, little is known about the asylum seekers themselves.

This presentation is an attempt to bring a personalized outlook on Uyghur asylum seekers from interviews and interactions with refugees in Europe, Turkey, Australia, and the United States undertaken between 2010 and 2014.

A brief history of Uyghur refugees from 1949 to 2009 is offered to contextualize the contemporary situation and includes examples from Central Asia and the United States. The unrest in Urumqi in 2009 provides a salient milestone in the research of Uyghur asylum seekers as social stratification and securitization in the post-unrest period created significant push factors.

The discussion shares the motives of Uyghur asylum seekers to leave China, their strategies, and their profiles. Furthermore, support networks, both in the diaspora and among host nation organizations, are presented to illustrate the lives of refugees upon and after arrival. Also, an assessment of receiving government asylum processes is made to demonstrate the legal aspects of the asylum seeker journey. The concluding remarks of the presentation focus on the impact post-2009 asylum seekers will have on existing Uyghur Diasporas.

The Twelve Imams in Sunni Khotan
Rian Thum, Loyola University, New Orleans, USA

Over a century ago, European explorers of Chinese Turkestan (Southern Xinjiang), made a remarkable discovery that has since been largely forgotten: the Sunni inhabitants of Khotan were engaged in elaborate veneration of the Shi'a Twelve Imams, whom they believed to be buried at various holy sites in the Khotan region. This paper investigates Khotan's network of holy sites and the narratives that were attached to them, from the 16th century to the present.

The veneration of the Twelve Imams, and the assertion of their legitimacy as successors to the prophet, has long been taken as a badge of sectarian identity, not only in the core Islamic lands, but also in Central Asia. To what extent was veneration of the Twelve Imams similarly significant in Chinese Turkestan?

The agreement among Sunnis and Shias from the Maghreb to India that, from among the astounding variety of Islamic beliefs and practices, a small number of characteristics can be used to determine one's basic religious identity is remarkable. While the political landscape of the present may sometimes make this phenomenon appear natural, the case of Chinese Turkestan, which had its own, idiosyncratic approach to sectarian identity, reminds us that the maintenance of such a Sunni-Shia consensus on sectarian designation was dependent on networks of knowledge reproduction that did not embrace the entirety of the Muslim world. In Chinese Turkestan, they had only a tenuous hold. There, Muslims were driven by other forces in their selection of holy sites and saintly intercessors. Pre-Islamic sacred geographies, the power of locally networked holy sites, the phenomenon of textual attraction, and a popular and eclectic manuscript tradition overwhelmed weak sectarian distinctions, bringing Muslim followers of the Hanafite legal tradition to pray at the purported tombs of Twelver Imams.

Loplik Living Souls: What Revival?

**Sabine Trebinjac, Laboratory of Ethnology and Comparative Sociologie (LESC),
CNRS and Nanterre University, France**

I discovered the Loplik people while reading Sven Hedin's book published in 1905 titled *Im Herzen von Asien*. I was fascinated by their fishing activities on their curious boats. In 1994, when I went to the Phonogram Archiv in Saint Petersburg, I had the opportunity to listen to some loplik texts and, luckily, loplik songs that were recorded by the linguist Sergei N. Malov in 1910. Then I decided to further study this quite unknown population. During four stints in the field in 1996, 2000, and 2006, I was concentrated on the establishment of the Loplik people.

Although it is now quite dated, I would like to share with you some of my conclusions. At the end of the fifties, the Loplik survived, thanks to fishing. There's was a population of around seven thousand people according to Lars Johanson. Through the 20th century, Lopnor Lake seemed to disappear and reappear several times (five times according to Ibrahim Mutii). In 1957, the Loplik people said that the Tarim River had overflowed its banks. A new lake was then created. Two years later, in 1959, a Russian geographer is said to have pointed out a salt lake in the area (Eduard M. Murzaev). During the sixties, the Daxi Haixi barrage was built at Argan city. At that time, Lopnor Lake was dramatically drying. In 1964, the Chinese launched their first atomic bomb into the Lop depressive area.

The lake dried, the geographical depression was used for military purposes, and the Loplik people moved once again. Nowadays, one can still see remains or ruins of their old dwellings. And what is even more astonishing is that Loplik people looked like they had all officially disappeared... no census took them into consideration. The Loplik people seemingly ceased to exist.

Nevertheless, in 1997, I decided to go towards the area with copies of Malov's recordings. One old musician recognized a song and sung it for me. Since 1995, a number of books concerning the Loplik people have been published. Their rich fauna, flora, their musical skins, and their hospitality are pointed out. But, the Loplik people don't have a single determined ethnonym. Recently, the Loplik people have been recognized again and began to create their own patrimonialization and folklorization. At the same time, the Chinese attend to the museumization of the Loplik people. Who will win between those two parties? One day, we may know...

Uyghur Sources and Soviet Archival Documents on the Early 20th Century Uyghur History

Nabijan Tursun, Independent Scholar, USA

In the first half of the 20th century, the political history of East Turkistan, or Xinjiang province, had very complex internal and external politics. From 1912-1949, Chinese warlords, the Chinese nationalist government (Kuomintang), and ETR ruled the province. The Soviet Union openly intervened in liberation movements by the Uyghurs and other ethnic groups in the 1930s and 1940s. They also provided military support to pro-Soviet Sheng Shicai, and ETR between 1934-1937 and 1944-1946.

The greatest amount of information about Xinjiang (also known as East Turkestan) was composed by representatives of the Soviet Union, who expressed the most interest in creating a detailed description of the affairs of the region because they hoped to establish it as a “buffer zone” between their nation and China. Other than Chinese, Russian, and English historical sources regarding that period, there are plenty of historical documents in Uyghur.

We can concentrate on Uyghur sources in the following four areas: 1) Official government documents in Uyghur; 2) Published materials in Uyghur; 3) Articles, books and memoirs written by historical politicians; and 4) Recorded conversations with witnesses of historical events. However, we cannot underestimate the importance of Soviet archival materials and Uyghur sources in studying Uyghur history during the first half of the twentieth century. Only recently has Xinjiang’s history been examined through archival materials written by Russian scholars, whose conclusions were confirmed by the writings of Uyghur and Chinese authors. However, many Soviet archival documents concerning the Xinjiang province and the ETR are yet to be made available and analyzed.

Full reconstruction of the political history and international relations of the Xinjiang province and the ETR during the first half of the 20th century is impossible without Soviet archival materials and Uyghur language materials, the study of which may shed light on many “dark” spots in the history of the region.

Alternate Approaches in the Russian Policy to Yakub-beg’s State in the Late 1870s and the Beginning of the 1880s

Alexander Vasilyev, Central Eurasian Research Center of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia

Formation of the independent state of Kashgar in the 1860s forced the Russian military and political administration to choose a strategy toward its new neighbor. Alternative options of the Russian strategy to Yakub-beg and his state were analyzed by the Russian military and diplomats in detail: annexation, ignorance, simply waiting for the return of the Chinese, and establishment of mutually beneficial relations (at the same time also awaiting for return of lawful Chinese owners). However, the implementation of Petersburg’s diplomacy decisions in Kashgar was influenced by a quick change of the local situation and rivalry between military and diplomatic elites in the Russian Empire. In particular, the Russian military, analyzing a situation in Kashgar and adjacent regions, considered several different options including the transfer of Kashgar to the responsibility of the Khan of Khokand, or the creation in Kashgar of a khanate, independent from Beijing, but vassal to Russia. The documents revealed in the Russian archives testify that the Russian powers addressed the idea of restoration of local kashgarian statehood in Xinjiang as a counterbalance to the Chinese military threat. According to another approach, treaties between the Russian authorities and local rulers would also have been observed strictly in case of the return of Chinese administration to the region. This report deals with the intentions of the Russian authorities in the 1870s and beginning of the 1980s to create a vassal state in Kashgar in support of Bek-Kuli Beg, the son of Yakub-beg of Kashgar.

Traces of Uyghur - Manichean Culture in Rock Drawings in Middle Yenisei Basin

Dmitry D. Vasilyev, Institute of Oriental Studies, Academy of Sciences, Russia

In the second half of the 8th century, the Uyghur khanate became the strongest state formation in Inner Asia. During their struggles in the Yenisei Basin with the Kyrgyz, Az, and Tchik tribes, they conquered almost all the territory north of their capital – from Karabalgasun to the left (southern) bank of the Upper Yenisei. In the basin of the Upper Yenisei Uyghurs constructed a chain of strong points in the form of the small fortresses connected to each other at some sites by a continuous shaft.

It should be noted that excavation of these constructions (except for the remote and inaccessible summer residence of a Kagan - the Por-Bazhyn fortress on the lake Tere-Hol - was not very large-scale and had no complex research character. Additionally, not enough attention was given by the historians to the different relations of the Uyghurs with the population of the Yenisei Basin: quite often the epitaphs on stone steles, executed by the Turkic Runic letters, are devoted to these relations.

Findings in recent years, made by the Epigraphic expedition of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in Southern Siberia, revealed a considerable number of rock paintings and drawings, which with sufficient certainty can be connected with Manichean ideology and symbolism. They testify that contact between the Yenisei Kyrgyz and Uyghurs not only had military implications, but also cultural and missionary activity of the Uyghur preachers spreading Manichaeism far to the North of their gained territories.

Xinjiang and One Belt One Road

Elizabeth Wishnick, Montclair College, USA

My paper will examine Xinjiang's role in China's One Belt One Road strategy. Xinjiang is the starting point for the China-Central Asia-West Asia corridor in the new Silk Road, which includes a China-Pakistan corridor to the port of Gwadar. The paper examines the domestic and foreign policy rationales for linking one of China's most restive regions with equally unstable neighboring countries. On the domestic side, the Chinese government has long advocated economic development as the antidote to demands for cultural autonomy in Xinjiang, though the benefits often have accrued to the Han population, leaving the Uighurs even more aggrieved. One Belt One Road serves to connect what was once a domestic policy ("Go West") to the Central Asian and West Asian neighborhood. On the foreign policy side, the Chinese government is seeking to address radicalism and terrorism in neighboring Pakistan and Afghanistan through aid and investment. For some years China has faced the dilemma of whether or not to open its own restive Xinjiang to neighboring countries in the interest of development. With the One Belt One Road strategy, the Chinese government seems to have opted for opening, even though their neighbors have their own sources of domestic unrest, which could well compound Xinjiang's troubles.

"Green-Colored-Uyghur-Poet": Religious Identity in Contemporary Uyghur Poetry

Michal Zelcer-Lavid, Bar-Ilan University, Israel

There is wide consensus regarding the importance of Islam as a rallying point for the Uyghurs and an essential component of their ethno-national identity. Yet despite its

centrality in the culture, there is only marginal reference to religion per se in modern Uyghur literature. The reason for this apparently lies in the political sensitivity of the subject. However, it is also an indication of the status of religion in Uyghur society. For many, religion is not only part of their tradition and identity, but a national issue as well, due to the religious repression they suffer in Xinjiang.

In this lecture, I argue that poets like Adil Tuniyaz and others, most of whom are secular and urban, choose to relate to religion by means of mystical and exotic images in reaction to the Chinese characterization of Islam, which identifies it with fundamentalism and terrorism. By avoiding the use of separatist symbols, these poets create a broad ethno-national ethos that strengthens contemporary Uyghur identity.

Вторая международная конференция по исследованиям уйгурской истории, культуры и общественной жизни

**Брюссельский свободный университет (БСУ), ЦМИ
при Институте политических исследований (Париж),
НИВЯЦ и Программа центрально-азиатских
исследований при Университете им. Джорджа
Вашингтона**

17-20 ноября 2015 г.

Уйгуры – входят в десятку самых многочисленных народов мира, не имеющих своей государственности. Несмотря на свою долгую историю достижений в области культуры и политического влияния они, в силу двусмысленной ситуации, сложившейся в изучении региона, и своего «геополитического» положения, оказались на обочине международных научных исследований. Однако, в связи с той значительной ролью, которую уйгуры сыграли в глобальных и региональных исторических и культурных процессах, в разных уголках мира сложилось межнациональное академическое сообщество, в центре внимания которого оказались история, культура и общество уйгурского народа. Настоящая конференция, которая продлится четыре дня, станет второй попыткой собрать вместе широкий спектр ученых со всего мира, занимающихся изучением уйгурской истории, культуры и общественной жизни. Она организована Программой центрально-азиатских исследований при Университете им. Джорджа Вашингтона в партнерстве с Брюссельским свободным университетом (БСУ), ЦМИ при Институте политических исследований (Париж) и НИВЯЦ.

Тезисы конференции

“Я – не белый флаг”: уйгурский национализм при китайском правлении
Мантимин Ала, независимый ученый, Австралия

В настоящем докладе под тремя разными углами рассматривается процесс трансформации уйгурского национализма начиная с 1949 г. Во-первых, уйгурский национализм является следствием джадизма, реформистского движения в Средней Азии и на Ближнем Востоке. Во-вторых, уйгурский национализм сыграл роль коллективного духовного пробуждения уйгуров и осознания ими колониальной реальности, с которой они были вынуждены иметь дело. В-третьих, в докладе доказывается, что уйгурский национализм, в узком смысле этого слова, стал ответной реакцией на растущий китайский национализм, причем реакция проявилась в конфликтной форме и развивалась параллельно с причиной, породившей ее, однако с существенными вариациями и отклонениями. Автор показывает, как уйгурский национализм действует в контексте возрастающей в Китае националистической тенденции, ориентированной на создание культуры мононационального государства – унификации в рамках «чжунхуа минцзу» (единой китайской нации или китайской расы). Именно в силу необходимости сопротивляться этой тенденции уйгурский национализм переформулировал целый ряд культурных признаков, традиционных ценностей и духовных ресурсов с целью создания дискурса инаковости, противостоящего дискурсу централизации и доминирования. В заключении в докладе говорится, что уйгурский национализм сыграет ведущую роль в болезненном культурном выживании уйгуров в будущем. В нем также демонстрируется сложность конечной задачи, которую поставил Китай, смысл которой – переварить уйгуров в своей массовой культуре посредством подавления уйгурского национализма.

“Настоящие учителя находятся в школах”: способы передачи Он икки Мукам в современном Синьцзяне

Элиз Андерсон, университет Индианы, США

Между сторонниками различных способов обучения и передачи традиции «Он икки мукам» существует ощутимая напряженность. Преподаватели, которые обучают мукаму в современных ВУЗах понимают образование как принципиально современную форму обучения, измеряемую в международных академических терминах, таких как нотный стан, в отличие от несистематичного, неформального и традиционного способа передачи мукама, воплощенного в системе устаз-шакирт (учитель-ученик). Настоящий доклад опирается на этнографические, текстуальные и аудио-визуальные репрезентации передачи мукама (и других исполнительских видов искусства) с тем, чтобы изучить как эта напряженность формулируется на словах и разворачивается на практике при преподавании этого жанра. Каковы принципиальные отличия между обучением в ВУЗе и системой устаз-шакирт? Можно ли говорить о заметно различных результатах исполнения, порожденных разницей между этими двумя методами обучения? В чем выигрывают и в чем проигрывают исполнители и преподаватели в результате предпочтения одного метода другому? Настоящий доклад является лишь небольшой частью более широкомасштабного проекта о педагогических методах, стилях обучения и взглядах на уйгурские исполнительские виды искусства, реализация которого продолжается.

Воздействие ухудшающейся экологической ситуации в Синьцзяне на недовольство уйгуров

Нимрод Баранович, Хайфский университет, Израиль

Ученые выявили целый ряд источников недовольства уйгуров в Синьцзяне, наиболее важными из которых являются подавление религии, социально-экономическая дискриминация, массовая иммиграция хань-китайцев в регион, а также широко распространённая среди уйгуров убежденность в том, что хань-китайцы и китайские власти стремятся уничтожить их культуру и идентичность. Еще одним фактором, упоминаемым среди причин уйгурского недовольства, но на который обращается мало внимания, является ухудшающаяся экологическая ситуация в Синьцзяне, которая имеет место в течение нескольких последних десятилетий, особенно с начала кампании Развития Западного Китая в начале 2000-х гг. И действительно, хотя много уже было написано об ухудшении состояния окружающей среды в Синьцзяне, в частности, об истощении водных ресурсов и опустынивания оазисов и речных долин, мало кто попытался систематически интегрировать эти данные в тему недовольства среди уйгуров. Задачей настоящего доклада является анализ ссылок на ухудшающуюся экологическую ситуацию в уйгурской литературе, искусстве и в повседневном дискурсе. Моей целью является анализ уйгурского восприятия ухудшающегося состояния окружающей среды и значения, которое уйгуры придают этому явлению. Кроме того, я предлагаю рассмотреть тезис о том, что ухудшающаяся экологическая ситуация в Синьцзяне вдохновила не только на выражение недовольства в литературе, искусстве и в повседневном дискурсе, но и способствовала вспышкам насилия, в том числе и кровавым беспорядкам в Урумчи 5 июля 2009 г.

Роль Советского Союза в учреждении и функционировании непризнанной Восточно-Туркестанской республики и позиция США по этому вопросу (1944-1945 гг.)

Валерий Бармин, Алтайский государственный педагогический университет, Россия

В 1944 г. советское руководство положило почин мощному националистическому движению среди коренного населения провинции Синьцзян, направленному против китайских властей. Сегодня есть серьезные основания утверждать, что существенную роль в организации этого движения, его военных успехах и в создании Восточно-Туркестанской республики сыграли советские спецслужбы, выполнявшие решения советского руководства.

Начиная с первого дня восстания власти Синьцзяна прекрасно осознавали, что Советский Союз играл активную роль в разворачивающихся событиях. Г-н Уард, американский консул в Урумчи, в своем специальном донесении государственному секретарю написал в этой связи следующее: «Все китайцы, с которыми консульству удалось связаться, искренне убеждены, что СССР причастен к восстанию». Однако сам Уард, несмотря на изложенные взгляды китайских официальных лиц относительно роли Советского Союза в событиях в Синьцзяне и несмотря на все свидетельства, которые китайцы привели в подтверждение своих доводов, весьма скептически относился к такого рода доводам и уликам, ставя под сомнение их достоверность и надежность.

Можно лишь гадать относительно мотивов, которыми руководствовался американский консул, когда в донесении своему начальству он решил поставить под сомнение

официальную точку зрения китайской стороны. Возможно, он искренне ошибался и не был готов поверить в то, что Советский Союз был способен пойти на столь противозаконный с точки зрения международного права шаг. По крайней мере, в резюме упомянутого донесения Уард написал: «китайцы полагают, что восстание является советской провокацией. Однако трудно поверить в то, что русские, будучи в ситуации, в которой они оказались, не воздержались бы от подобного рода действий и не уклонились бы от обвинений в свой адрес. Ведь у них есть все основания утверждать, что восстание является формой выражения протеста против многолетней коррупции и бесхозяйственности китайцев».

Чуть позже, в другом донесении Уард вновь приводит свои сомнения относительно роли русских в организации восстания, подчеркивая следующее: «...крайне маловероятно, что восстание было вдохновлено Советами. ... Для китайцев идея того, что за этим стоят русские, является психологической необходимостью...» С другой стороны, не следует исключать и того, что Уард сознательно игнорировал свидетельства, приведенные китайцами, стремясь выполнить задачу американской дипломатии, направленной на всесторонне улучшение советско-китайских отношений. Высказывание поддержки обвинениям, высказанным китайцами против Советского Союза, пусть даже и на неофициальном уровне, могла бы еще больше усложнить ситуацию. В любом случае, в период с 1944 по 1948 гг. американские дипломаты не поднимали вопрос о советском вмешательстве в события в Синьцзяне.

Социально-экономическое развитие Синьцзяна как ключевой элемент программы «Экономический пояс Шелкового пути»

Елена Баженова, Институт Дальнего Востока РАН, Россия

Существенные перемены имели место в период экономических реформ в Синьцзяне. Вся территория Синьцзяна связана сетью автомобильных и железных дорог, которые были построены вдоль маршрута Великого шелкового пути от Урумчи до Кашгара. В силу своих социально-экономических характеристик Синьцзян занимает ведущую позицию среди провинций и автономных районов Западного Китая. Он является хорошей экспериментальной площадкой для экономических реформ, опыт проведения которых был наработан в Восточном Китае, и снижения демографического давления. В 2010 г. китайское руководство объявило план экономического развития Синьцзяна в новых условиях, в рамках которого планировалось дать новый импульс развитию региона. Была начата реализация системы научных и технических инноваций. На сегодняшний день Синьцзян представляет собой динамично развивающийся регион с достоверными большими запасами нефти, цветных металлов и других полезных ископаемых. В результате возрастает значение Синьцзяна в масштабах всей страны, которая испытывает все большую потребность в природных ресурсах. Высокий уровень экономического развития порождает новые рабочие места, что способствует улучшению социальной обстановки в регионе.

Развитие многостороннего сотрудничества между Алтайским краем Российской Федерации и Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая на нынешнем этапе

Анна Бондаренко, независимый исследователь, Россия

Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая (или Западная провинция) граничит с восьмью странами, одна из которых – Россия. Участок границы протяженностью в 54

км. проходит между Горным Алтаем России и Алтайским округом Синьцзяна. Это самый короткий отрезок границы из всех восьми границ, которые Западная провинция имеет с соседними государствами. Однако, несмотря на отсутствие прямых транспортных линий между двумя областями, постепенно растет многостороннее сотрудничество между Алтайским краем России и Западной провинцией Китая.

После развала Советского Союза началась новая стадия двусторонних отношений, начало которой было положено подписанием в 1999 г. Соглашения «О торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве» между администрацией Алтайского Края РФ и Народным Правительством СУАР КНР. За 16 лет, прошедшие с момента подписания этого документа, были достигнуты определенные результаты. Торгово-экономическое сотрудничество характеризуется ростом двусторонней торговли и созданием предприятий в Алтайском Крае со 100% иностранным капиталом, привлечением инвестиций и участием в выставках. В результате сотрудничества в области науки и образования с обеих сторон выросло количество студентов и преподавателей, которые участвуют в программах обмена стажерами. Культурная составная включает в себя постоянное участие творческих команд Синьцзяна и Алтая в различных мероприятиях. Кроме того, городами-побратимами стали российский город Новоалтайск Алтайского Края и город Алтай Алтайского округа СУАР. Помимо двусторонних отношений между двумя краями, имеет место и активное сотрудничество на межрегиональном уровне, например, посредством участия в Международном координационном совете «Наш дом – Алтай».

Политические альтернативы Синьцзяна в 1940е-50е гг.: личные, институциональные и реализационные измерения

Владимир Бойко, Алтайский государственный педагогический университет, директор Азиатского экспертно-аналитического центра Алтайского государственного университета, Россия

В настоящем докладе рассматриваются способы и схемы преобразования Синьцзяна – северо-западного региона Китая, реализованные путем политических переворотов, внешнего вмешательства и последующей реинтеграции в сферу китайского правления по прошествии нескольких десятилетий в 1910-е – 1950-е гг. – начиная с Синьхайской революции до прихода коммунистов к власти. Исследование основывается, главным образом, на западной историографии и архивных материалах колониальной и независимой Индии, а также личных оценках сотрудников правительства Гомиьндана. В частности, речь идет о ценных данных британского посольства и консульств, а также разведслужб, властей Британской Индии и МИД Республики Индия. Эти источники дополняются многочисленными советскими документами, которые хотя и широко известны благодаря своей уникальности, но, тем не менее, мало доступны для местных и иностранных ученых.

В качестве основных политических игроков рассматриваются (про-/близкие к) Гомиьндановский/Чунцинский режим, уйгурские националисты и китайские коммунисты, которые, в конечном счете, оказались победителями не только в районах, населенных этническими китайцами, но на перифериях страны, в частности – в далеком Синьцзяне, населенном мусульманами. В этом политическом калейдоскопе немалую роль играет вопрос об основных тенденциях и моделях политического развития с местной, региональной и обще-китайской перспектив: как и почему сначала силы Гомиьндана распространили в середине 1940-х гг. свой контроль на Синьцзян (посредством отстранения от власти губернатора Шэн Шицая, и т.д.), однако на время

тюркским националистам удалось оспорить их контроль, а в конечном счете они были разгромлены коммунистами?

С точки зрения личностей генерал Шэн Шицай продолжал традицию военно-гражданской власти в Синьцзяне. Его правление стало пиком и закатом этого типа правления. При нем в 1930-е гг. была проведена широкая программа реформ, однако впоследствии многие достижения были отменены в результате установления крайне авторитарного режима, чисток и непредсказуемой внешней политики, что поставило под угрозу международную позицию Китая.

Мусульманским политикам удалось восстановить свое правление в северной части Синьцзяна, однако, в результате стратегического расчета, СССР сделал ставку на китайских коммунистов, преследовавших политику объединения страны. Позиция мусульманских лидеров, которые хотя и были младшими партнерами в этой игре, позволяет взглянуть на нее в ракурсе только начинавшейся тогда Холодной войны. Таким образом ханьское доминирование над континентальным Китаем было существенно подкреплено извне действиями Советского Союза. Однако вскоре национальная политика приобрела радикальный крен, что закрыло вопрос о перспективах развития уйгуров и других национальных меньшинств в Синьцзяне. До определенной степени этот курс отражал недостатки советской национальной политики, но в еще большей степени он отражал особое соотношение сил в китайском обществе, а именно – в рамках многонациональной мусульманской общины. Она была расколота по многим направлениям, и особенно – политически. Несмотря на приход нового поколения лидеров, вооруженных новаторской идеологией, стратегией и тактикой, она понесла поражение в важной игре после Второй мировой войны.

В докладе освещаются основные политические стратегии и практики в Синьцзяне в период 1940-х-1950-х гг. с точки зрения истории и последствий их концепций, действий и событий, политические портреты руководства и международный контекст. В нем выдвигается гипотеза о том, что китайские (хань) коммунисты выиграли от региональной ситуации, введя на короткий срок идеи «новой демократии», перехваченные у Гоминьдана, но к концу 1950-х гг. взяли новый курс во всех сферах внутренней и внешней политики. Эта политика заморозила/отсрочила решение национального вопроса, который, поразительным образом, оказался весьма живучим и к началу XXI века представляет угрозу многим странам и цивилизациям.

Второе поколение синьцзянской историографии: всеобъемлющий исторический проект

Дэвид Брофи, Сиднейский университет, Австралия

В этом году вероятно выйдет в свет «Полная история Синьцзяна». На создание этого труда ушло 10 лет. Поэтому 2015 г. является подходящей датой для рассмотрения различных попыток создать ортодоксальной истории Синьцзяна. Я начну с рассмотрения современных попыток основать историографию Синьцзяна в республиканском Китае и советской академической науке в 1930-е гг. Затем я намерен отследить влияние изменений в официальной линии партии в советской Средней Азии, а также в свете раскола между Китаем и СССР, на марксистскую историографию Китая, которая привела к созданию «Краткой истории Китая» (1980 г.) Она послужит фоном для обсуждения предстоящей публикации «Полной истории Синьцзяна», которая возвращается к традиции республиканских времен рассмотрения истории

Синьцзяна через династическую призму. Я высказываю мнение о том, что несмотря на то, что в Китае дебаты по вопросу национальной политики поостыли, новая историография Синьцзяна в немалой степени отражает влияние «второго поколения» критики концепции национальных автономий.

Китаизация уйгурской системы школьного образования в Синьцзяне

Ханна Бердорф, Ньюкаслский университет, Великобритания

Контроль над сферой образования в Синьцзяне является мощным инструментом китайских властей в деле дальнейшей интеграции Синьцзяна в состав Китая. После закрепления административного контроля над уйгурскими школами и учебной программой, введения пугунхуа (мандаринского диалекта китайского) в качестве основного языка обучения открыло двери для дальнейшего влияния ханьцев на уйгурскую систему школьного образования. Но до какой степени это сказывается на уйгурах и их образовании?

Я проанализировала политику в области образования и языковую политику и их реализацию с целью определить их эффект китаизации на уйгурскую систему школьного образования и на уйгурское население. Степень китаизации колеблется от уровня сильной китаизации уйгуров, получивших образование на китайском языке (миньгаохань) до слабого уровня китаизации выпускников школ в сельской местности, где реализация политики в области образования и языковой политики ограничена в силу недостаточного финансирования и нехватки квалифицированных учителей. Уровень китаизации также колеблется в зависимости от географического расположения школ, типа школ и успеха в деле реализации этой политики. И хотя еще слишком рано говорить о пространственной и языковой интеграции уйгурских школ в китайскую систему среднего образования во всем Синьцзяне, китаизация уйгурского образования интенсифицируется.

Ислам и политика: идеологические пути и превратности уйгурского исламо-национализма

Реми Касте, Университет им. Мишеля де Монтеня, Франция

В настоящем исследовании рассматривается идеология и превратности уйгурских исламо-националистических кругов. Небольшие интеллектуальные и воинственные группировки продвигали социально-политическую модель, которая представляла бы альтернативу западной и китайской коммунистической моделям модернизации. Ценности, обосновывавшие легитимность модели «общественного прогресса», которую они продвигали, опирались на ислам и на более ортодоксальные толкования Корана и хадисов.

Мы отследим идеологические корни этих группировок прежде, чем увидим, как они были возрождены и как они пытались позиционировать себя в Синьцзяне в 1980-е гг. Затем мы рассмотрим влияние нарастающих исламских революционных движений в мусульманском мире и воздействие новой политики, направленной на обуздание политического ислама и активности среди уйгуров, а также возможности, порожденные новой геополитической ситуацией в Южной/Центральной Азии (а также в сегодняшних Сирии и Ираке). Мы рассмотрим, как эти факторы привели к тому, что некоторые воинствующие активисты отказались от мирного проповедования ислама в

пользу создания небольших джихадистских группировок, таких как знаменитая Исламская партия Туркестана (ИПТ).

Недавно по Синьцзяну прокатилась волна насилия. Некоторые аналитики ошибочно истолковали эти различные акты насилия как террористические действия, порожденные ИПТ. Не отрицая факта существования ИПТ и ее способности оказывать влияние, мы покажем, что угроза, которую представляет эта базирующаяся за рубежом группировка, завышена, истолкована неверно и используется в качестве упрощенного объяснения причин роста насилия в Синьцзяне.

И, наконец, мы определим, до какой степени неравенство, привлекательность или отрицание западных ценностей, модели модернизации, навязываемой Компартией Китая, а также отвержение жесткого репрессивного режима могло бы стать (или не стать) обоснованием идеологических схем, предлагаемых уйгурскими салафистскими или джихадистскими кругами, базирующимися преимущественно за рубежом.

Конфликт в Синьцзяне: сопротивление и решение

Майкл Диллон, независимый исследователь, Великобритания

Можно определить три вида анти-китайского сопротивления:

4. На местах – преимущественно мгновенное реагирование семьи, клана, деревни или религиозной общины на арест, обыск, акты запугивания или действия властей, направленные против религии.
5. В горах – нападения партизанских отрядов, базирующихся на Памире или Каракорумских горах.
6. Из-за рубежа – политическая поддержка со стороны эмигрантских организаций в Стамбуле, Мюнхене и США, а также воинственных группировок в Казахстане и Кыргызстане, которые впоследствии переместились в Пакистан, в зоны Федерально управляемых племенных территорий (ФУПР) и Гилгита.

Решение конфликта: возможности и препятствия

8. Военные и полицейские акции могут иметь временный эффект, но порождают возмущение и еще большее сопротивление.
9. Уже в начале 1980-х гг. в рамках КПК была обсуждена необходимость политического решения и реформирования существующей системы региональной автономии.
10. Пекин возлагает ответственность за конфликт в Синьцзяне на три внешние силы: сепаратизм, религиозный экстремизм и терроризм.
11. Для сокращения масштабов конфликта центральным и региональным властям следует вступить в переговоры с неофициальными группировками Синьцзяна прекратить считать их всех террористическими.
12. Уйгуры, несогласные с политикой китайских властей, опасаются ареста, заключения в тюрьму и казни.
13. Уйгуры, сотрудничающие с китайскими властями, рискуют стать объектом нападения воинственных радикалов.
14. Как, невзирая на эти меры, разработать меры по укреплению доверия?

Некоторые источники о Бокук Хане (эпиграфические, нумизматические и этнографические)

Сергей Дмитриев, Институт Востоковедения РАН, ИСАА МГУ, Россия

В некоторых прежних публикациях мы уже упоминали легенду о Бокук Хане – мифическом правителе чудесным образом рожденным из нароста на дереве. Самая полная (хотя и, похоже, весьма искаженная) версия этой легенды содержится в труде Джувейни (первая половина XIII века); а более оригинальная (и значительно более короткая) версия — в двуязычной уйгуро-китайской «Стеле о заслугах поколений идикутов Гаочан-ванов» (亦都護高昌王世勛碑), датируемой 1334 г. В обоих текстах подробно рассказывается история чудесного рождения основателя Уйгурской империи из нароста на дереве или из холма между двумя деревьями.

Но в рунических надписях Уйгурской империи нам не удалось найти ничего о Бокук Хане, похоже что у уйгуров этого периода были иные воззрения на свою историю. Нам известны лишь два свидетельства существования этой идеи во времена Уйгурской империи (а, может быть, даже чуть позже) – манихейский фрагмент из Турфана, опубликованный Альбертом фон Лекоком, и монета, найденная в Турфане, которая была отчеканена от имени Кюль Бильге Бокука, кагана уйгуров. Какой именно правитель был упомянут под этим именем? Это непростой вопрос, но мы попытаемся на него ответить.

Похоже, что легенду о Бокук Хане следует рассматривать как часть весьма древней мифологии тюркских народов, преимущественно забытой в наши времена. Наряду с другими эта легенда весьма вероятно стала частью мировоззрения басмылов – тюркского племени, которое пришло в Турфан до уйгуров. Уйгуры переняли эту историю и использовали ее для приукрашивания легенды о своей утраченной империи. В силу огромного влияния турфанских уйгуров на Монгольскую империю в первые десятилетия ее существования, турфанская легенда на короткий срок стала весьма важной идеологической концепцией, которая существенно повлияла на первых Великих ханов и некоторые другие народы и царства средневековой Средней Азии.

Суйский Китай и си-ю: Точка зрения Пэй Чжу

Дина Дубровская, Институт Востоковедения РАН, Россия

В настоящем докладе проливается свет на роль Пэй Чжу (547-626 гг.), высокопоставленного чиновника времен династий Суй и Тан, в событиях, которые привели к принятию императором Ян-ди решения начать новые кампании против си-ю. Согласно Сыму Гуану (1019-1086 гг.), «сладкие песни» Пэй Чжу раззадорили мечты китайской правящей элиты о продвижении на Запад. В исторической ретроспективе остается неясным, был ли поход задуман самим императором Ян-ди, либо на его решение возглавить военную кампанию, которая опустошила государственную казну и привела к тому, что суйский, а затем таньский Китай погряз в долгах и проблемах, повлиял Пэй Чжу и его фундаментальный труд «Сию Тучжи». Но известно наверняка, что Пэй Чжу настоял на создании китайских гарнизонов и небольших торговых городов вдоль Шелкового пути и на завоевании малых народов, таких как тогон, к югу от Ганьсуйского коридора (608 г.).

Мы рассмотрим теоретические и практические последствия концепции Пэй Чжу, которая актуальна и по сей день, об обязанности сверхдержавы выступать в качестве

движущей силы, которая привела бы мелкие государства под эгиду Китайской империи, и которая была совершенно неверно истолкована как обоснование для агрессивных экспансионистских планов.

Добрые и злые духи в Таримском бассейне в конце XIX века

Арьенн М. Дуайер, Канзасский университет, США

Мир духов сосуществовал с людским миром в повседневной жизни оазисов Таримской впадины, по крайней мере, согласно рукописям конца XIX и начала XX вв. Как и везде в мире, духи воздействовали положительно или отрицательно на здоровье и жизнь людей, а также на природные явления, такие как погода и урожай. Духовные медиумы, устанавливающие связь между миром людей и миром духов, могли смягчить негативный эффект воздействия злых духов, поощряя при этом присутствие и влияние добрых духов. Каким образом эти духовные медиумы вписываются в концепцию исцеления? Как отличаются методы духовных медиумов таримских оазисов от методов их коллег Сибири и Тибета? В настоящем докладе делается попытка проанализировать обычаи и методы работы духовных медиумов Таримской впадины с точки зрения традиционной медицины, а также сравнения их деятельности с региональной и мировой практикой.

Общий обзор научных исследований, проведенных в Турции в отношении Восточного Туркестана и уйгуров с конца 1920-х гг. по сегодняшний день

Эркин Эмет, Анкарский университет, Турция

В последние годы Османской империи и первые годы Турецкой республики были интенсифицированы научные исследования, направленные, в первую очередь, на укрепление тюркологии с целью создания турецкой национальной идентичности и создания национального государства. В результате были усилены исследования, связанные с изучением языка, религии, истории, литературы и фольклора тюркского мира. До 1990-х гг. исследовательская деятельность была в основном сосредоточена на изучении древней уйгурской истории и древнего уйгурского языка. После развала Советского Союза и возникновения независимых тюркских республик, а также обнаружения общих исторических и культурных связей между тюрками Анатолии и различными другими тюркскими племенами, исследование языка, религии, истории, литературы, фольклора, экономики и искусства тюркского мира расширились. Изучение Восточного Туркестана, который является важной частью тюркского мира, и культуры проживающих там уйгуров привело к возникновению стимулирующей научной атмосферы: с конца 1980-х гг. по сегодняшний день были опубликованы сотни докладов и книг, посвященных этому вопросу, в различных университетах были созданы кафедры уйгурского языка и литературы. В своем докладе я попытаюсь проанализировать эти исследования в четырех форматах: дипломные работы, диссертации, книги и преподавание уйгурского языка.

Новое глобальное и региональное российско-китайское партнерство?

Изабель Факон, Фонд стратегических исследований, Франция

Украинский конфликт и последовавший за ним беспрецедентный кризис в отношениях между Западом и Россией, повсеместно рассматриваются как фактор, меняющий «правила игры» в стратегическом партнерстве между Китаем и Россией, которое до сих пор отличалось весьма двойственным отношением к нему с обеих сторон. Оценка меняющихся форм и масштабов взаимодействия между Москвой и Пекином как в

глобальном масштабе, так и на региональном уровне позволит эффективно измерить глубину преобразованного партнерства двух держав.

Изменения на рынке труда и социальное неравенство в Тибете и Синьцзяне: сравнительный анализ структурных основ дискриминации и протеста
Эндрю Фишер, Роттердамский университет им. Эразма

Сравнительный обзор изменений на рынке труда и социального неравенства в Тибете и Синьцзяне на фоне быстрого экономического роста с середины 1990-х по 2010 гг. дает возможность взглянуть изнутри на природу повсеместного недовольства и социальных процессов в обоих регионах. Под «изменениям на рынке труда» мы понимаем переход от занятости в сельском хозяйстве в другие отрасли, такие как обрабатывающие сферы производства, строительство или сферу услуг. Такой переход может рассматриваться как отражение базовых структурных условий для социально-экономических перемен. Они рассматриваются посредством сравнительного анализа тенденций совокупной занятости, зарплаты и данных национального учета, а также семейного дохода и показателей уровня образования, полученных из семейных опросов, и, наконец, моих собственных данных, собранных во время работы в Тибете. Такой подход используется как средство измерения темпов и характеристик социально-экономических перемен, которые были внедрены в эти регионы за очень короткий период времени, даже если принять в расчет весьма различные отправные точки по сравнению с другими регионами Китая, что отразилось на жизни людей весьма ощутимым образом. Во многих аспектах это необратимые процессы, которые быстро преобразовали ситуацию для нынешнего поколения молодых тибетцев и уйгуров. Более того, факт утраты политической власти и льгот этими меньшинства препятствует им соразмерять темпы и направление этих перемен.

Для проведения анализа показатели Тибетский автономный район (ТАР) и Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) сравниваются с показателями ряда других провинций Западного Китая, а также со средними показателями по стране. Учитывая то, что уйгурское население Синьцзяна является меньшинством в регионе (в отличие от ТАР, где тибетцы все еще составляют относительное большинство), были также добавлены дополнительные сведения по округам Кашгар и Хотан, по тем параметрам, где они были доступны, поскольку в этих двух округах уйгуры все еще, как и в ТАР, составляют большинство. Соответственно, мощный контраст между изменениями на рынке труда ТАР и Синьцзян стали очевидными в 2000-е гг., по крайней мере в 2010-х гг. Стратегии развития ТАР и других тибетских районов, похоже, сделало основной упор на урбанизации до той степени, до которой субсидированный рост ассоциировался с быстрым переходом местной (в основном тибетской) рабочей силы из первичного сектора (главным образом – земледелия и пастбищного скотоводства). В результате этого процесса, через десятилетие ТАР догнал по значительному количеству показателей нормативные данные (которые, кстати, тоже быстро менялись) по Китаю в целом, правда, не имея при этом производительных экономических основ для обеспечения этих перемен. Напротив, изменения на рынке труда в Синьцзяне, и, особенно, в Кашгаре и Хотане, показали исключительно медленные темпы, по сравнению с остальными провинциями Китая, за исключением Ганьсу. Как и в Ганьсу, в Синьцзяне, похоже, происходит отток рабочей силы в сельскую местность, хотя при этом, не обязательно речь идет о работе в сельском хозяйстве, поскольку расширение занятости в сельском секторе, похоже, имеет место в несельскохозяйственном вторичном и третичном секторах.

Тем не менее, существенно более замедленные темпы изменений на рынке труда при переходе от занятости в сельском хозяйстве, возможно, является показателем стратегии развития, которая делает больший упор на сельскохозяйственный трудовой режим, ограничивающий трудовую мобильность, по сравнению с остальными регионами Китая. В этом контексте социальное неравенство также, похоже, развивалось по иной модели, хотя при этом оно имело аналогичные показатели, свидетельствующие об интенсивном отчуждении одних групп от других в верхнем эшелоне трудовой иерархии в городах, в условиях которого в начале 2000-х гг. доля как тибетцев, так и уйгуров оказалась недостаточно представленной относительно остальных групп населения. И действительно, такая интенсификация отчуждения и синхронность крупномасштабных акций протеста в обоих регионах, несмотря на весьма различные социально-экономические условия, наводят на мысль о том, что недовольство меньшинств было обусловлено общими специфически ориентированными на политику ассимиляции и дискриминации на макрополитическом и экономическом уровнях, которая, по иронии судьбы, ассоциируется с периодом «гармонизации общества» времен руководства Ху Цзиньтао.

Уйгурская проблема глобализованного Китая? **Дрю Глэдни, Помона колледж, США**

Согласно широко распространенному мнению, августовские теракты в Таиланде имели отношение к китайским уйгурам, а также к китайским опасениям «доморощенных» уйгурских террористов, возвратившихся из учебных лагерей ИГИЛ в Сирии для того, чтобы породить хаос по всему Китаю – от Урумчи до Пекина и Куньмина. Это, в свою очередь, наводит на мысль о том, что внутренняя проблема Китая приобрела глобальные масштабы. Широко разбросанная по миру уйгурская диаспора начала активно налаживать связи между своими общинами и начала выступать от имени десяти миллионов уйгуров, которые все еще находятся под репрессивным гнетом китайских властей в Восточном Туркестане.

В настоящем докладе рассматривается не только глобализация «синьцзянской проблемы» Китая, но также и роль глобальных социальных сетей и западных ученых в деле придания формы и истолкования восточно-туркестанского «сепаратизма» в Китае. Некоторые полагают, что Китай уже в 2009 г. пережил «твиттерную революцию» в Синьцзяне. Китайские власти приписывали волнения 5 июля 2009 г. в Урумчи воздействию «внешних сил», однако лишь немногие из поднятых протестующими вопросов были привязаны к требованиям, выходящим за пределы границ Китая. И хотя китайские СМИ уже с давних времен приписывают уйгурские акции и акции насилия радикальным исламистам и сепаратистам, лишь немногие из инцидентов проходили под лозунгами джихада или независимости «Восточного Туркестана». Являются ли продолжающиеся волнения в Синьцзяне «исламской» проблемой или же уйгурской проблемой? Являются ли они проблемой для Китая, а следовательно – носят внутренний характер, либо же они приобретают глобальные масштабы?

Традиционные подходы к конфликтам по признаку различной принадлежности и национализма в недостаточной степени учитывают роль социальных СМИ, которая помогает создавать национальную идентичность вне зависимости от места рождения и проживания, которая укоренена в этническом пространстве и национальных границах. К тому же, лишь немногие обратили внимание на нарастающие дискуссии,

нарастающие в Китае, касательно политики по национальному вопросу после восстаний в Тибете и Синьцзяне в 2008 и 2009 гг. В настоящем докладе предпринимается попытка изучить воздействие этих событий на политику Китая в религиозных и национальных вопросах, а также роль налаживания социальных кругов в деле создания транснациональной диаспорной общины, поддерживающей тесные связи с восточно-туркестанским регионом Синьцзяна, которая предъявляет претензии на землю и историю, более ей не принадлежащие.

Протестующие возвращаются домой: выпускники синьцзянских интернатов и их реадaptация к условиям жизни в Синьцзяне

Тимоти Гроуз, Технологический институт имени Розы Хульман , США

В настоящем докладе рассматривается опыт молодых уйгуров, выпускников синьцзянских интернатов (кит.: нейди синьцзян гаочжон бан), вернувшихся в Синьцзян. Вопреки политическим задачам, поставленным перед синьцзянскими интернатами, лишь немногие из выпускников возвращаются в регион с целью служения делу партии. Гораздо чаще молодых людей вынуждают вернуться на родину институциональные ограничения, парализующие мобильность в Китае, жесткое давление со стороны семьи (особенно родителей) и трудности с соблюдением исламских обрядов во Внутреннем Китае (нейди). Однако, возвращение знаменует собой лишь начало порой болезненного процесса реинтеграции. Во второй части настоящего доклада описывается как молодые люди заново приспосабливаются к повседневной жизни в Синьцзяне. Эта часть основана на результатах исследования, проведенного в ходе предыдущих поездок в Синьцзян с 2012 по 2015 гг. Многие выпускники синьцзянских интернатов поначалу сталкивались с трудностями при попытке ощутить себя дома по возвращению на родину. Особенно это касается девушек, которые должны соблюдать жесткие правила, касающиеся роли женщины в обществе. Гендерные и социальные проблемы зачастую осложнены тем, что выпускникам синьцзянских интернатов трудно найти престижные хорошо оплачиваемые работы. В результате значительная группа уйгурской интеллектуальной элиты скептически настроена к идее возврата к своим корням в синьцзянские оазисы.

Интеграция или подкуп? Проблемы среднего класса в уйгурском городе

Лорен Хансен, Корнелльский университет, США

Темпы урбанизации XXI века и стремительный рост как внутренней, так и внешней торговли в Синьцзяне ясно показали, что развитие региона рассматривается как цель, достойная сама по себе, и, возможно, что более важно, является средством решения национального вопроса в Китае. Иными словами, китайское государство делает ставку на то, что развитие это доходчивый способ убедить уйгуров принять китайскую власть, пусть если и не сердцем, то хотя бы разумом. Однако этот упор на преобразовании отношений между государством и обществом имеет свою цену: на сегодняшний день мало кто попытался оценить с политической или научной точки зрения способы, при которых развитие, учитывая его специфическую систему кнута и пряника, усложняет преобразование межэтнических отношений в уйгурском обществе. В настоящем докладе используются результаты полевых исследований и полу-структурированных интервью, проведенных в Урумчи с 2013 по 2014 гг., с целью более пристального рассмотрения классовой эволюции в современном уйгурском обществе. Я полагаю, что развитие произвело (или, возможно, обнажило) разрыв между теми уйгурами, которые приняли сторону государства, или, по крайней мере, в той степени, в которой они

сотрудничают с государственными учреждениями в сфере образования, занятости и жилищного обеспечения, и теми, которые на это не пошли. Что же до бедных и богатых, занятых в частном секторе и имеющих разные уровни культурной и религиозной автономии, то следует отметить качественную смычку, которая связывает эти группы и отделяет их от среднего класса, состоящего главным образом из сотрудников государственного сектора, получающих регулярную зарплату.

Песни и танцы в Синьцзяне: новое поле борьбы

Рэйчел Хэрри, Институт восточных и африканских исследований, Лондонский университет, Великобритания

Выступая в марте 2014 г. на Всекитайском съезде народных представителей заместитель председателя Китайской ассоциации танцоров Дильнар Абдулла заявила, что «религиозные экстремисты» в Синьцзяне «проводят среди простых людей кампанию против пения и танцев». С тех пор организованные мероприятия с песнями и плясками стали краеугольным элементом кампании по борьбе с экстремизмом, в частности проведение «еженедельного мешрепа (мяшрапа) по борьбе с экстремизмом», а также массовые танцы под популярную эстрадную песню «Яблочко».

Песни и танцы уже традиционно использовались китайской компартией в качестве символического и мотивационного инструмента. Существует мощная взаимосвязь между китайскими национальными меньшинствами и традицией пения и танцев, которую многие уйгуры все еще воспринимают как ключевой аспект своей национальной идентичности. Музыкальная культура всегда процветала в уйгурском обществе наряду с ортодоксальным толкованием дозволенного с точки зрения исламской традиции исполнения песен и танцев, зачастую порождая творческое напряжение между ними.

В самом Синьцзяне имеется мало подтверждений правоты слов Дильнар, но материалы подобного характера имеются в изобилии на уйгуро-язычных сайтах, базирующихся за рубежом. Комментаторы отмечают, что в Хотане нарастает тенденция по сворачиванию музыки и танцев на свадьбах. В настоящем докладе поднимается следующий вопрос: почему эти предписания, направленные против музыки, приобретают все большую поддержку в уйгурском обществе, и каковы последствия этих требований к музыкальной культуре в нынешней политической борьбе?

Средневековый письменный уйгурский язык в Китае во времена правления монгольской династии Юань: уйгуры как фактор инициации культуры для монголов

А. Ш. Кадырбаев, Институт Востоковедения РАН, Россия

Народы Центральной Азии, завоевавшие Китай, обычно создавали свои собственные письменные языки, которые определенным образом становились частью общего культурного контекста Китая и Центральной Азии. Они конкурировали с китайской письменностью, самой влиятельной письменностью в регионе, поскольку опирались на мощную многовековую культурную традицию. Важно отметить, что почти все эти виды письменности, за исключением тангутской, были алфавитными и не могли выдержать конкуренции с китайской письменностью. Исключение составляла уйгурская письменность, которая использовалась в Монголии вплоть до первых десятилетий XX века. Киданьская, чжурженьская и тангутская письменности исчезли вместе с народами, пользовавшимися ими. Китайское письмо оказало заметное

влияние на алфавитную письменность соседних народов как в плане графики, так и произношения. Знакомство с алфавитным письмом оказало воздействие на китайскую филологию – оно способствовало формированию новой филологии и улучшению старых методов традиционной филологии.

В Китае узнали о монгольской алфавитной письменности в середине XIII века и средневековые уйгуры сыграли в этом интересную роль. В течение почти пяти столетий они прошли через разные стадии общественной жизни – от кочевой державы на Орхоне (Монголия) до различных княжеств в Восточном Туркестане и северо-западном Китае, которые были либо независимы, либо входили в состав Тангутского царства (Си Ся), Западного Ляо (Ляо Си) и, наконец, монгольского государства Чингисхана. Разработанная система письменности, в основе которой лежало согдийское письмо, попала к монголам, среди которых она продержалась в реформированном варианте и послужила верой и правдой всему монгольскому миру в течение семи веков. Уйгуры стояли у колыбели монгольского письменного языка и литературы XIII века. Уйгурское средневековое письмо использовалось для написания монгольских слов в качестве гибкого инструмента создания придворных записок приемного сына Чингисхана Шиги-Хутуху Нойона, а также инструмента для записи поэм, созданных современным поэтом Д. Нацагдоржем, не сохранившейся средневековой «Золотой книги» монголов и новых монгольских книг 1930-х гг. Монгольские слова и выражения, имеющие уйгурское средневековое происхождение, все еще существуют, равно как и уйгурская аллитерация поэм и монгольских четверостиший, известных по ранним переводам буддистских текстов. В монгольском переводе текстов, представляющих важность для формирования письменного и литературного языка, отслеживается влияние уйгурского опыта в сочетании с традициями Центральной Азии и Китая.

Трансформация мужских собраний мяшрап в уйгурской общине Казахстана
Аблет Камалов, Центр уйгурских исследований и Университет «Туран», Казахстан

В настоящем докладе будет рассмотрена трансформация социального института *мяшрап*, а также *джигит-беши* (главы местной общины) в уйгурской общине в постсоветском Казахстане с точки зрения самоуправления и создания альтернативных площадок для видов деятельности, которые поддерживают национальную идентичность группы и помогают преодолеть экономические трудности (социальное обеспечение). В докладе будет обсужден вопрос о том, как традиционный мяшрап был возрожден в годы перестройки, а с начала 1990-х гг., под влиянием уйгурских торговцев из Синьцзяна, появился вновь. Дискуссия о том, как мяшрап стал эффективным инструментом решения социальных вопросов уйгурской общины Казахстана будет рассмотрен в общем контексте исторического развития этого социального института как на родине уйгуров – Синьцзяне, где подобного рода собрания были запрещены в 1997 г., так и в Семиреченской области Российской империи.

Анализ материалов позволяет различать два вида мяшрапов, существовавших в уйгурском обществе Синьцзяна: а) первый предполагает регулярные собрания небольшой группы людей, приблизительно 25-30 мужчин, объединенных по принципу места жительства, возраста и социальной принадлежности. Границы между различными социальными группами не были основным критерием для формирования

состава участников мяшрапа, и он определялись главным образом географическим месторасположением. Главной задачей такого типа собраний было обеспечение площадки для общения, налаживания связей и развлечения (отдыха после сбора урожая). Такого типа мяшрапы были зарегистрированы среди таранчи (илийских уйгуров) Семиречья с конца XIX века; б) в то же время термин мяшрап использовался для обозначения больших сборищ, в которых участвовали не только мужчины, но и женщины, и они носили исключительно культурный характер, в ходе которых участникам раздавалась еда, играла музыка и были танцы. В теплое время года эти собрания проводились в больших садах или во дворах домов. В то же время в современном Казахстане термин мяшрап используется для обозначения различных видов собраний (олтуруш), в том числе и с соблюдением норм обычного мяшрапа с его жесткими правилами и иерархической структурой.

В настоящем докладе также будет обсужден другой социальный институт – джигит-беши, который тесно связан с мяшрапом. В Казахстане как мяшрап, так и джигит беши были институционализированы в рамках Республиканского этнокультурного центра уйгуров Казахстана при Ассамблее народа Казахстана. Советы джигит беши являются одним из органов этой общественной организации. Местные власти не только терпимо относятся к существованию сети джигит-беши, но и привлекают неофициальных лидеров местных общин для контроля или мобилизации народа на определенные действия. В настоящем докладе будет также рассмотрено мужское собрание мяшрап как институт самоуправления, который помогает выжить уйгурскому меньшинству в новых социальных условиях независимого Казахстана, а также его роль в становлении уйгурской национальной идентичности. В отличие от мяшрапов, уйгурские женские собрания (чай) являются в основном формой общения, хотя они также являются и важной формой социализации.

Раскопки Такламаканской цивилизации и уйгурская городская культура **Долкун Камбери, Радиостанция Свободная Азия, США**

Начиная с 1980-х гг., с наступлением эпохи нефтедобчи и строительства зданий и ирригационных проектов, выделенные средства и оборудование позволили археологам проникнуть в ранее неисследованные регионы. В результате новые и интригующие открытия стали регулярным явлением. Таримская впадина находится на юге Уйгуристана. Он обеспечивает идеальные условия для сохранения древних городов, артефактов и останков. В начале прошлого века бесстрашные иностранные исследователи изучили старинные объекты вдоль Шелкового пути. Их отчеты, карты и собранные ими материалы составили задел для археологических работ после создания Уйгурского автономного районного музея в 1953 г. Я лично участвовал в раскопках 1980-х гг., когда были обнаружены иссушенные тела в древних объектах вдоль края Таримской впадины. Согласно радиоуглеродному анализу, эти древние такламаканцы жили между 2000 г. до н.э. и 600 г. н.э. Многие из этих трупов поразительно хорошо сохранились. Исследование многих древних объектов и обнаружение древних мумий в ходе раскопок, проведенных моей экспедицией, породили бурную реакцию по всему миру. Эти открытия не только поразили воображение людей по всему миру, но и, в результате, был брошен вызов ученому миру, поскольку подлил масло в и без того жаркий спор о происхождении и развитии такламаканцев, которые населяли Тарим в течение тысяч лет.

Хотя загадка такламаканцев изучается уже более века с помощью сравнительной лингвистики и исторической науки, археология сыграла важную роль в деле содействия специалистам при воссоздании хронологии заселения ими различных регионов Евразии. Начиная с прошлого века таримские открытия добавили новое измерение к этому спору, предоставив новые доказательства. Посвятив много лет археологическим раскопкам, изучению, анализу и исследованию древней Таримской цивилизации, я выяснил, что древними жителями Таримской впадины были главным образом такламаканцы (уйгуры). В расовом аспекте они представляли из себя смесь между монголоидами и европеоидами. Совершенно очевидно, что древние такламаканцы не принадлежали к единой гомогенной группе, равно как и центрально-азиаты, которые продолжают жить здесь и по сей день. Уникальные географические свойства Таримской впадины и сухой жаркий климат способствовали сохранению старинных могил, мумий, петроглифов и остатков городов. Эти же условия позволили сохраниться буддистским пещерам, многочисленным культурным останкам, подземным древностям и бесценным сокровищам. Кроме того, в докладе будут представлены десятки найденных рукописей; рассказы средневековых путешественников и историческое наследие развитой уйгурской литературы в том, что касается их цивилизации и городской культуры.

Эволюция восприятия уйгурского сопротивления в Китае
Килич Бугра Канат, Университет штата Пенсильвания, США

Со времен окончания Холодной войны восприятие уйгурского вопроса центральным правительством существенно изменилось. Этот вопрос всегда считался важной проблемой для властей в Пекине, однако волнения на национальной почве в Синьцзяне стали восприниматься иначе с концом Холодной войны. Во-первых, независимость центрально-азиатских республики и восстание в Синьцзяне резко изменили подход к решению этого вопроса центральным правительством. Уровень воспринимаемой угрозы существенно вырос после проявления аналогичных форм недовольства на национальной почве и увеличения внимания к нему со стороны международного сообщества. В связи с ростом китайской экономики и растущей интеграции Китая в международную систему, проблема приобрела международное измерение в Китае, и Пекин начал кампанию по подавлению уйгурской оппозиции не только в Китае, но во всем регионе в целом. После терактов 11 сентября в США и начала глобальной войны с терроризмом китайские власти вновь попытались придать конфликту международное измерение, ассоциируя недовольство в регионе с международным терроризмом, однако эта попытка оказалась неудачной, а уйгурская проблема стала восприниматься по всему миру как существенная проблема в сфере соблюдения прав человека. На конечном этапе, по мере дальнейшего роста Китая и изменений в региональной геополитике, этот вопрос стал рассматриваться в Китае не только как угроза национальному единству и территориальной целостности или как проблема терроризма, но и, что более важно, как стратегический и геополитический вопрос. Эта эволюция усложняет потенциальное решение данной проблемы и подход к ней со стороны китайских властей. В настоящем докладе будет обсуждена эволюция этого процесса, возможные последствия ее для уйгурских диссидентов и потенциальный путь к ее решению.

Последние дискуссии, связанные с уйгуро-огузскими отношениями в период 2-го Кёкчюркского каганата (681- 744 гг.) и Уйгурского каганата (742-840 гг.)
Юнус Коч, Университет Хачеттепе, Турция

Два слова – уйгур и огуз, под которыми понимаются две общины/клана, часто упоминаются как в китайских исторических источниках, так и в орхонских надписях. Помимо этимологических и статистических находок, эти два названия часто упоминаются вместе. По этим двум общинам, сыгравшим большую роль среди тюркских общин и оказавшим на них политическое влияние в период 2-го Кёктюркского каганата и Уйгурского каганата, проводятся сравнительные исследования. Они проводятся не только некоторыми синологами, такими как Пуллибланк и Шаван, но и некоторыми тюркологами. В 1962 г. некоторые турецкие историки, такие как Сюмер, Экрем, Эрчиласун и Ташаил, после публикации работы Гамильтона о проблеме 9-10 уйгур, также занялись этим вопросом.

Помимо обсуждения этимологической части вопроса и развития письменного перевода, нам необходимо сосредоточиться на вопросе о том, как общины упоминаются под этими именами в турецких и китайских исторических источниках. В этом контексте нам необходимо сделать упор на политической и исторической ролях, которые играли эти две общины, путем пересмотра этих названий и альтернатив к ним. Более того, эти два клана/общины, которые распространились по различным регионам и в последующие века отделились друг от друга, нужно сравнить друг с другом с точки зрения их языков и культур, невзирая на изменяющиеся условия. Если мы также проведем аналогичное сравнение между другими тюркскими кланами и их последующими поколениями, принимая в учет все исторические условия их схожести и различий, то такое сравнение может дать нам возможность выяснить ситуацию, сложившуюся вокруг взаимодействий в период каганата. Можно открыть дискуссию с принятия в расчет стадий, через которые прошел процесс роспуска тюркских кланов, которые поддерживали свой полукочевой образ жизни в обширных географических пространствах, и на различных этапах формировали различные федерации.

Обсуждение вопроса идет о том, близки ли друг другу кланы, оказавшиеся в центре или же на периферии великих политических организаций, а не вопроса об огузах-уйгурах или 9-огуз 10-уйгур. Если мы рассмотрим эти две общины и политические альянсы, которые были созданы добровольно или по принуждению, другие конфедерации, сформированные вокруг этих альянсов, а также исторические процессы, которые привели к их развалу, то мы увидим, что эти две общины активно участвовали в политическом и географическом центре почти всех конфедераций. Наиболее очевидной является роль эти двух кланов или группы кланов под названием огузы и уйгуры в политическом и географическом центре всех кёктюркских и уйгурских конфедераций с момента создания 1-го Кёктюркского каганата и вплоть до развала Уйгурского каганата. Можно утверждать, что эти две общины, которые были основателями и эффективными политическими осями власти в центре, сформировали гомогенную структуру.

Поэтому эти две общины могли бы сблизиться друг с другом в том, что касается их языка и культуры, несмотря на то, что долгий период времени, прошедший с тех пор, большие расстояния и воздействие различных мест взаимодействия. К началу XX-го века тюркский язык, на котором говорили в уйгурских областях, и огузский диалект, на котором говорят в Малой Азии, были ближе друг к другу, чем остальные диалекты. Огузский или западно-тюркский диалект и уйгурский диалект оказались настолько близки, что люди, говорившие на этих языках, без всякого труда общались друг с другом. Это вызвано тем, что эти две общины находились в политическом и

географическом центре конфедераций со времен ранних средних веков, включавшие в себя все тюркские общины или, по крайней мере, их часть.

Уйгурская культура, исполнительское искусство и идентичность в современном Китае

Натан Лайт, Уппсальский университет, Швеция

Уйгурские культурные традиции и идентичность являются ключевыми элементами напряженной драмы, которая разыгрывается на множестве публичных площадок в Китае и на международной сцене. Многие исследования по современному уйгурскому вопросу посвящены теме насилия и нарушений прав человека. В других же работах делается попытка представить уйгурские традиции в контексте исторического процесса. В самом же Китае множество различных заведений соперничают друг с другом за право создать официальное определение уйгурской истории, культуры и гражданства.

В настоящем докладе, составленном по результатам моих собственных исследований, а также других авторов, исторического нарратива, этнической идентичности, исполнительских жанров искусства и повседневного общения, дается набросок некоторых теоретических моделей, которые могут внести вклад в понимание того, как уйгурские традиции и идеи оспариваются в рамках индивидуального и коллективного процессов. Теоретические модели, на которые опирается данный доклад, задействуют символический капитал, культурную интимность, клеймо, гримасу, иронию, когнитивные схемы, воображаемые институты и коллективные представительства. Целью настоящего доклада является набросать синтез или, по крайней мере, общую позицию, которая плодотворным образом сочетала бы различные модели понимания многих ликов уйгурского опыта и традиций в современном Китае.

Создание святого места: пещера семи спящих отроков в Туяке (Синьцзян)

Жан-Поль Люб, Архитектурная лаборатория Парижа- Ля Вийет, Франция

Испытывая потребность выразить свою связь с потусторонним миром люди используют самые разные географические и пространственные конфигурации. В результате священная география состоит из объектов и зданий, с которыми идентифицируются нарративы, мифы и таинства, составляющие структуру верований и философских систем. Для священной географии свойственно сохранение одних и тех же мест в качестве священных для разных, сменяющих друг друга религий. Религии и идеи циркулировали между Западом и Востоком по Шелковому пути. Таким образом оазис Турфан (Синьцзян, Китай) стал свидетелем перехода от буддизма к манихейству, а затем - несторианскому христианству и, наконец, к исламу, а также некоторых элементов шаманизма и следов зороастризма, которые просочились в религиозные ритуалы по сей день и характерны для среднеазиатского суфизма. Туяк известен своей Пещерой семи спящих отроков, христианской легенды, которая была перенята Кораном. Она отражает использование буддистских объектов местным суфийским исламом, насыщенном ссылками на шаманские обычаи. Археологи и этнографы иногда превращались в следопытов и им удалось восстановить все еще видимую историю этого места паломничества. Связь основана на архитектурных обзорах, благодаря которым можно выявить и отследить как создавался этот объект священной географии.

Уйгурская молодежная музыка: параллельный мир

Мукаддас Миджит, Университет Париж X — Нантер, Франция

Какую музыку должна слушать уйгурская молодежь? К этому вопросу возвращались все поколения. Старики обычно обвиняют молодежь в том, что она виновна в уничтожении их «многовекового» музыкального наследия. Молодежь же сетует на творческую несвободу, не позволяющую ей создавать новое, пусть даже и вдохновленное старыми традициями.

Как и везде в мире, этой части света не удалось избежать глобализации. В конце 1980-х, благодаря кассетному буму, молодые музыканты ознакомились с американскими и китайскими рок-группами, а также с турецкой и центрально-азиатской поп-музыкой. Уйгурское общество было зачаровано фильмами Болливуда, в которых синтезировались традиционные и современные музыкальные стили. Знакомство с окружающим миром повлияло на музыкальную отрасль, в которой возник гибридный стиль музыки больших городов, таких как Урумчи и даже Хотан. Начиная с 1990-х идея создания музыкального ансамбля с западными инструментами (гитара, ударные, бас-гитара) охватила молодых музыкантов, которые более не могли довольствоваться окаменевшей традицией 12 мукам. Они начали создавать параллельный музыкальный мир, продолжая при этом идентифицировать себя как уйгурские музыканты. Некоторые из этих новых музыкальных произведений преднамеренно имели характер создания национальной идентичности, защиты «уйгурства» на международных музыкальных фестивалях.

В настоящем докладе предпринимается попытка выявить новые движения в музыке уйгурского края, проанализировав последние музыкальные репертуары и путь ряда музыкантов к пониманию того, чем являются их звуки и послания.

Энергетические ресурсы Синьцзяна как основной фактор развития региона **Андрей Островский, Института Дальнего Востока РАН, Россия**

После принятия «Программы развития западных районов» в 2000 г. в Синьцзяне было разработано множество инфраструктурных проектов и объектов горно-добывающей отрасли. Синьцзян играет важную роль в деле снабжения Китая энергетическими ресурсами, здесь находятся 30% всех запасов нефти, 34% - природного газа и почти 40% угля Китая.

До недавнего времени экономика Синьцзяна почти полностью дотировалась из центрального бюджета. После начала эксплуатации разведанных нефтяных месторождений и залежей природного газа, ряд районов Синьцзяна превратились в доноры как для местного, так и центрального бюджетов. Это касается крупного нефтяного района Карамай, а также районов Турфан-Хами и Корла, где активно ведется добыча нефти и газа. Добыча нефти в Синьцзяне выросла с 1990-х гг. в три раза. Начиная с 2009 г. Синьцзян занял второе место в Китае по производству газа и четвертое – по производству нефти. Благодаря развитию нефтегазовой промышленности и реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути», Синьцзян стал новым двигателем Китая.

Уйгурские политические и социально-экономические ставки в Центральной Азии. **Себастьян Пейруз, Университет им. Джорджа Вашингтона, США**

В настоящем докладе будет рассмотрен социально-экономический статус уйгуров с центрально-азиатских республиках, а также их роль во внутренней и внешней политике этих стран, особенно в их отношениях с Китаем.

В течение нескольких десятилетий Пекин пытался предотвратить рост уйгурского сепаратизма и, после развала СССР, рассматривал этот вопрос как основной элемент своих отношений со странами Центральной Азии: он проводил политику давления на центрально-азиатские власти как напрямую, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества с тем, чтобы те наблюдали за своими уйгурами и их организациями. Мы также рассмотрим вопросы социально-экономического характера, с которыми уйгуры сталкивались в течение последних десяти лет. Среди прочего, посредническая роль, которую уйгуры играли в только возникшей тогда китайской торговле со странами Центральной Азии, во все большее степени затруднялась политическими подозрениями. Последняя часть будет посвящена центрально-азиатским нарративам (политических, академических и экспертных кругов) об уйгурах, проживающих в этих странах и в Китае. То, как Пекин решает уйгурскую проблему, отнюдь не вызывает единодушной поддержки в регионе, и многие эксперты критикуют маргинализацию уйгуров в целом.

Уйгурская сеть: производство дискриминации и инаковости. Представление уйгурских женщин в цифровом мире.
Дильнур Рейхан, НИВЯЦ, Франция

Для эмигрантской общины новые технологии являются ключевым элементом в установлении любых социальных связей и отношений. Новые технологии позволяют общинам, разбросанным по всем континентам, общаться быстро и эффективно. Трудно найти надежные статистические данные о количестве уйгуров, проживающих за рубежом, но общепринятой является цифра в полтора млн. Уйгурская сеть состоит главным образом из блогов и форумов и является прекрасным примером использования этих новых технологий. Через них распространяются тексты, которые многими читаются и выставляются на других страницах. За несколько лет появилось множество женских блогов и форумов. Наш анализ показывает, что они зачастую распространяют многочисленные стереотипы по гендерным вопросам и необъективно представляют ситуацию многих уйгуров, проживающих в эмиграции. Эти блоги и форумы носят, в основном, консервативный характер и воспроизводят классическую идеологию дискриминации женщин, апеллируя к возврату к традиционному общественному порядку, в центре которого находятся мужчины. В настоящем докладе мы предлагаем обсудить эту цифровую продукцию на примере трех широко распространенных и обсуждаемых статей, пропагандирующих дискриминацию уйгуров именно в тот момент, когда они начинают играть новую роль и повышать свой статус в уйгурском обществе.

Развитие китайских характеристик: последствия развития в направлении «сверху-вниз» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе
Шон Робертс, Университет им. Джорджа Вашингтона, США

Вплоть до периода, наступившего после Культурной революции, китайское правительство уделяло мало внимания вопросу развития Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР). Однако, начиная с 1980-х гг. власти Китайской народной республики (КНР) начали все больше делать упор на стимулировании развития своих менее развитых западных провинций, в том числе и СУАР. В СУАР эти усилия были особенно мотивированы двумя факторами: 1) стремлением сильнее интегрировать уйгуров в КНР и заручиться их лояльностью государству; 2) стремлением эксплуатировать пограничные районы СУАР с целью расширения китайского экономического влияния и торговли на страны Центральной и Южной Азии. Усилия, направленные на развитие СУАР отнюдь не способствовали росту лояльности среди уйгуров к КНР, а, скорее, наоборот. В настоящем докладе доказывается, что такой результат стал следствием устаревшего подхода «сверху-вниз» в деле развития СУАР, основанного на теориях модернизации 1950-х и 1960-х гг. В СУАР такой подход к развитию привел к полному отчуждению уйгуров, перемещению их из мест традиционного проживания и росту недовольства, а порой и насилия в качестве ответной реакции. Таким образом, развитие в регионе способствовало отчуждению уйгурского населения от государства, а не его интеграции.

Существует ли уйгурская террористическая угроза?

Шон Робертс, Университет им. Джорджа Вашингтона, США

Китайская народная республика в течение долгого времени испытывала трудности в деле интеграции уйгурского национального меньшинства в силу того, что эти люди считали, что территория Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) является их родиной и должна быть признана в качестве независимого уйгурского государства. Стремление уйгуров к созданию своего государства было усилено созданием независимых государств в Центральной Азии, с которыми СУАР граничит начиная с 1990-х гг. В результате, в течение 1990-х гг. среди уйгурского населения Китая имелись признаки недовольства, которые порой выражались в насильственных конфликтах с символами государства. Хотя эти проявления насилия были зачастую спонтанной реакцией на ограничения государством уйгурского политического самовыражения, КНР зачастую возлагала вину на «раскольников» и «сепаратистов», которые проникли в уйгурские районы из-за рубежа. После терактов 11 сентября 2001 КНР стала переключать проявления насилия как «терроризм», давая понять, что они были мотивированы международными террористическими сетями, которые проникают в уйгурские районы. Впоследствии китайские власти классифицировали практически все проявления инакомыслия среди уйгуров как «терроризм».

В настоящем докладе рассматривается вопрос о том, насколько уместно классифицировать насилие в СУАР последних 25-ти лет, а также наиболее современные символы сопротивления и несогласия среди уйгуров как «терроризм». Помимо этого, в нем рассматриваются последствия классифицирования внутривнутриполитического как «терроризм». И, наконец, в свете недавних событий, докладе поднимается вопрос о том, насколько анти-террористическая политика КНР последних 15-ти лет превратила уйгурский терроризм в самосбывающееся пророчество.

Краткое исследование поздних османских источников об уйгурах

Аблет Семет, Университет им. Георга-Августа в Гёттингене, Германия

В том, что касается источников для современных уйгурских исследований, то многие из них уже были изучены: речь идет о китайских, российских и различных европейских источниках истории уйгуров XIX и XX-х веков. Из османских источников ученые рассмотрели документы, касающиеся времен восстания Якуб-бека. К примеру, тщательному анализу подверглась вся официальная переписка между османскими правителями и Якуб-беком. Однако более поздние источники, в частности, журнальные и газетные репортажи, все еще ждут своих исследователей.

В ходе своего исследования вопроса об отношениях между османами и уйгурами мне довелось ознакомиться с самыми разными документами. В частности, я обнаружил османские журнальные репортажи периода с 1908 по 1923 гг., представлявшие огромный интерес. Хотя это был весьма короткий период времени, в этих репортажах покрывался весьма обширный список тем, а также проявилось перемещение центра внимания османских интересов к мусульманам китайского Туркестана. Хотя источников было не так уж и много, они представляют собой важное дополнение к исследованию языка, религии, общественной жизни, политики и истории уйгуров. В своем нынешнем докладе я намерен обсудить подборку из различных османских журналов и газет и объяснить как османская пресса получала эти репортажи. Если говорить конкретно, то я намерен рассмотреть вопрос о том, как османская пресса получала свою информацию об уйгурах, и привести примеры репортажей об уйгурах, обнаруженные в этих источниках. Я также собираюсь обсудить вопрос о том, как эти источники повлияли на мое исследование, в том числе и мои полевые работы в Китае.

Подавление уйгурских беспорядков в Синьцзяне: роль военных, полувосставших и иррегулярных формирований

Ицхак Шихор, Хайфский университет, Еврейский университет, Израиль

Общепринятая точка зрения, в том виде как она сформулирована СМИ и даже некоторыми представителями академического мира, гласит, что подразделения регулярной китайской армии ответственны за подавление внутренних беспорядков, в первую очередь – проявления недовольства среди уйгуров. Сравнивая поведение китайских военных в плане проведения внутренних миротворческих операций с поведением вооруженных сил в других странах, а также с точки зрения исторической перспективы, в настоящем докладе доказывается, что Народно-освободительная армия Китая (НОАК) была весьма скептически настроена в отношении подобного рода операций, как и военные других стран. Хотя формально и согласно идеологической установке НОАК должна заниматься всеми непредвиденным угрозами в области безопасности, как внешними, так и внутренними, но, начиная с 1980-х гг., внутренние операции в области безопасности, и, не в последнюю очередь, в Синьцзяне, были отданы в ведение Народной вооружённой милиция Китая (НВМК), местной милиции и общественных сил безопасности, Синьцзянскому производственно-строительному корпусу (СПСК или биньтуан); а также особым антитеррористическим подразделениям. Именно в силу разноликости этих сил ответная реакция на уйгурские беспорядки была запоздалой, что, в свою очередь, предполагало дальнейшее ухудшение ситуации, жестокость и кровопролитие. В дальнейшем ситуация еще больше усложнялась тем, что по воздуху перебрасывались войска из других провинций, которые не были знакомы с местной ситуацией, языком, культурой и манерой поведения.

Формирование уйгурской идентичности посредством культурной деятельности: мешреп различных уйгурских эмигрантских общин в Европе
Ченью Ши, колледж Чухай, Гонконг

Мешреп (مەشرەپ по уйгурски) коллективная форма социального действия, имеющего не только развлекательную общинную функцию, но также и подкрепляющего традицию передачи культурных и этических ценностей в современных уйгурских эмигрантских общинах. Мешреп в условиях диаспоры может попросту являться собранием уйгурских мужчин и традиционно должно включать музыку, танцы, банкет, веселые разговоры, а также неформальный моральный суд в рамках специфически обговоренного контекста. В 2010 г. китайское правительство добилось от ЮНЕСКО включения мешрепа в список нематериального культурного наследия, нуждающегося в срочной охране и приступила к канонизации его форм и содержания его ритуалов.

За прошедшее десятилетие проведение мешрепа в Синьцзяне могло также иметь и политический характер, как, к примеру, инцидент в Кульдже/Или в 1997 г., когда уйгурская молодежь прибегла к вне-юридическим средствам для соблюдения в своих населенных пунктах традиционных моральных предписаний относительно азартных игр, алкоголя и наркотиков. Таким образом мешреп постепенно перерос в потенциальный источник конфликта и антиправительственных протестов. Уйгурские эмигрантские общины, несмотря на все ограничения, похоже привержены постоянной либо возобновляемой практике мешрепа в европейских странах, в которых они осели.

До сих пор был проведено весьма ограниченное исследование темы мешрепа, особенно в условиях диаспоры. В предлагаемой статье будет предоставлен полный отчет этой социальной практики посредством наблюдения, проведенного главным образом в Бельгии и Германии. Исследование включит в себя 1) как в настоящее время практика мешрепа структурирована в ряде уйгурских эмигрантских общинах и как она отличается типичного мешрепа в Синьцзяне; 2) исследование способов и механизмов, посредством которых мешреп может консолидировать и усилить социальную поддержку определенного уйгурского лидерства в эмигрантских общинах; и, наконец, 3) оценка того, насколько анализ мешрепа как социальной практики может помочь в выявлении ключевых элементов уйгурской этнической/национальной идентичности.

Уйгуры, добывающиеся политического убежища начиная с 20009 г.: наблюдения изнутри диаспоры

Генрик Шаджевский, Уйгурский правозащитный проект, США

В июле 2015 г. 109 уйгуров были насильственно возвращены в Китай из Таиланда в рамках акции, которая привлекла внимание международной общественности к проблеме уйгурских беженцев. Этой акции предшествовала переправка 173 уйгуров в Турцию. И хотя этот эпизод вызвал протесты на высоком дипломатическом уровне, о самих лицах, ищущих политического убежища мало что известно.

В настоящем докладе делается попытка дать персонализированное представление уйгурах, добывающихся политического убежища, созданное на основании собеседований и контактов с беженцами в Европе, Турции, Австралии и США, проведенных с 2010 по 2014 гг.

Для создания контекста нынешней ситуации дается краткая история уйгурских беженцев начиная с 1949 по 2009 гг. и приводятся примеры из Центральной Азии и

США. Беспорядки в Урумчи 2009 г. стали вехой в исследовании уйгуров, добывающихся политического убежища, поскольку социальная стратификация и меры по пресечению беспорядков в период, наступивший после волнений, породили существенные побудительные факторы.

В дискуссии рассказывается о мотивах по которым уйгуры, добывающиеся политического убежища, покидают Китай, их стратегии и их краткие биографии. Для иллюстрации жизни беженцев по прибытии в страну проживания рассказывается о системах поддержки как из среды диаспоры и так от организаций в этой стране. Для того, чтобы показать юридическую сторону одиссеи лиц, добывающихся политического убежища, дается оценка процесса предоставления убежища властями принимающей страны. В заключении даются комментарии о воздействии лиц, добывающихся политического убежища после событий 2009 г., на нынешнюю уйгурскую диаспору.

Двенадцать имамов в суннитском Хотане

Райан Там, Университет им. Лойолы, Новый Орлеан, США

Более века назад европейские исследователи, попавшие в китайский Туркестан (южный Синьцзян), сделали замечательное открытие, которое с тех пор было практически забыто: сунниты-жители Хотана занимались почитанием двенадцати шиитских имамов, которые, как они полагали, были похоронены в различных святых местах Хотанской области. В настоящем докладе исследуется хотанская сеть святых мест и связанные с ними нарративы с XVI века по наши дни.

Почитание двенадцати имамов и утверждения о том, что они являются легитимными преемниками пророка, с давних пор рассматривалось как основной признак сектантства не только в изначальных исламских землях, но и в Центральной Азии. До какой степени почитание двенадцати имамов имело аналогичное значение в китайском Туркестане?

По соглашению, существующему между суннитами и шиитами от Магриба до Индии, из разнообразных вариаций исламских верований и ритуалов, используется лишь небольшое количество характеристик для определения основной религиозной принадлежности мусульманина. И хотя порой нынешний политический ландшафт может создать впечатление, что такого рода явление естественно, в случае в китайском Туркестане, у которого имеется собственный своеобразный подход к религиозной принадлежности, это является напоминанием о том, что поддержание такого рода суннитско-шиитского консенсуса о религиозной идентичности зависело от сетей воспроизводства знаний, которые не охватывали мусульманский мир целиком. В китайском Туркестане они закрепились неглубоко. Тут мусульмане были движимы иными силами при выборы святых мест и святых заступников. Доисламская священная география, влияние местных святых мест, феномен дословного влечения и народная традиция эклектических рукописей оказались сильнее расхождений между сектами, в результате чего сунниты, последователи ханафитской юридической традиции, молились на предполагаемых могилах двенадцати имамов.

Живые души лоплик: What Revival?

**Сабин Требиньяк, Лаборатория этнографии и сравнительной социологии (ЛЭСС),
Национальный центр научных исследований (НЦНИ) и Нантеррский
университет, Франция**

Я узнала о существовании народа лоплик читая книгу Свена Хедина “Im Herzen von Asien” (В сердце Азии), опубликованную в 1905 г. Меня заинтриговала их традиция рыбной ловли с их любопытных лодок. В 1994 г., когда я приехала в архив фонограмм Санкт-Петербурга, у меня появилась возможность послушать некоторые тексты лоплик и даже их песни, записанные лингвистом Сергеем Маловым в 1910 г. Именно тогда я решила заняться изучением этого совершенного неизвестного народа. В ходе четырех экспедиций в регион в 1996, 2000, и 2006 гг. я занялась выявлением народа лоплик.

Мне бы хотелось поделиться с вами некоторыми из своих выводов, хотя на сегодняшний день они весьма устарели. К концу 50-х гг. лоплик выживали благодаря рыболовству. Согласно Ларсу Йохансону, их численность составляла приблизительно семь тысяч человек. В течение XX-го века озеро Лобнор исчезло и появлялось вновь несколько раз (согласно Ибрагиму Мутии – пять раз). В 1957 г. люди народности лоплик сообщили, что река Тарим вышла из берегов и возникло новое озеро. Двумя годами позже, в 1959 г., советский географ Эдуард Мурзаев обнаружил соленое озеро в этом районе. В 60-е гг. в городе Арган была построена дамба Даси Хайси. К этому времени озеро Лобнор стремительно высыхало. В 1964 г. китайцы провели первое испытание атомной бомбы в Лобнорской впадине.

Озеро высохло, географическая впадина использовалась для военных целей и лоплик вновь перебрались на другое место. И сегодня все еще можно увидеть развалины их старых жилищ. Но более поразительным является то, что с официальной точки зрения народность лоплик вообще полностью исчезла – переписи населения их не учитывали. Лоплик прекратили свое существование.

Тем не менее, в 1997 г. я решила отправиться в этот район, прихватив с собой записи Малова. Старый музыкант узнал одну из песен и спел ее мне. Начиная с 1995 г. были опубликованы ряд книг, посвященных народу лоплик. В них рассказывается об их богатой флоре, фауне, музыке и гостеприимстве. Но у народа лоплик нет одного определенного названия. Недавно, народ лоплик был признан вновь и начал собирать свое наследие и фольклор. В то же время китайцы начали процесс музеефикации народа лоплик. Какая из сторон одержит верх? В один прекрасный день мы узнаем ответ...

***Уйгурские источники и советские архивные документы по уйгурской истории
начала XX-го века***

Набиджан Турсун, независимый исследователь, США

Политическая история Восточного Туркестана или провинции Синьцзян первой половины XX века была весьма сложной как во внутреннем, так и внешнем аспекте. Начиная с периода 1912-1949 гг. китайские военачальники, китайское националистическое правительство (Гоминьдан) и ВТР правили этой провинцией. В 1930-е и 1940-е гг. Советский Союз открыто вмешивался в освободительное движение уйгуров и других национальных движений. В период между 1934-1937 гг. и 1944-46 гг.

также оказывал открытую военную поддержку просоветскому правителю Шэну Шицаю и ВТР.

Самое большое количество информации о Синьцзяне (также известном как Восточный Туркестан) было собрано советскими представителями, которые проявили самый большой интерес к созданию подробного описания состояния дел в регионе, поскольку рассчитывали создать «буферную зону» между своей страной и Китаем. Помимо китайских, русских и англоязычных исторических источников относительно этого периода, имеется множество исторических документов на уйгурском языке.

Мы сосредоточимся на уйгурских источниках в следующих четырех аспектах: 1) официальные документы на уйгурском; 2) опубликованные материалы на уйгурском языке; 3) статьи, книги и воспоминания, написанные политическими деятелями прошлого, и 4) записи разговоров с очевидцами исторических событий. Однако, при изучении уйгурской истории первой половины XX-го века, нельзя недооценивать важности советских архивных материалов и уйгурских источников. Лишь недавно историю Синьцзяна начали изучать по архивным материалам, написанным российскими учеными, выводы которых подтверждаются текстами, написанными уйгурскими и китайскими авторами. Однако многие советские архивные документы, касающиеся Синьцзяна и ВТП, все еще недоступны.

Полная реконструкция политической истории и международных отношений Синьцзяна и ВТР в первой половине XX-го века невозможна без советских архивных материалов и материалов на уйгурском языке, изучение которых пролило бы свет на многие «темные» места в истории региона.

Альтернативные подходы в российской политике к государству Якуб-бека в конце 1870-х и начале 1880-х гг.

Александр Васильев, Отдела Центральной Азии и Кавказа Института востоковедения РАН, Россия

Создание независимого кашгарского государства в 1860-е гг. вынудило российских военных и политическую администрацию определиться со стратегией в отношении своего нового соседа. Альтернативные варианты российской стратегии в отношении Якуб-хана и его государства были подробно рассмотрены российскими военными и дипломатами: аннексия, игнорирование, выжидание возврата китайцев и создание взаимовыгодных отношений (и, в то же время, ожидание возвращения законных китайских владельцев). Однако на реализацию решений Санкт-Петербургских дипломатов в отношении Кашгара повлияла быстрая перемена обстановки на местах, а также соперничество между российскими военными и дипломатами. В частности, российские военные проанализировали ситуацию в Кашгаре и в прилегающих областях, рассмотрели несколько различных вариантов, в том числе и передачу Кашгара Кокандскому хану либо создание Кашгарского ханства, которое было бы независимо от Пекина, но стало бы вассалом России. Найденные в российских архивах документы свидетельствуют, что российские власти рассматривали идею восстановления кашгарской государственности в Синьцзяне в качестве противовеса китайской военной угрозе. Другой вариант предполагал жесткое соблюдение договоренностей между Россией и местными правителями даже в случае возвращения региона под китайский контроль. В настоящем докладе рассматриваются намерения российских властей в

1870-е и начало 1890-х по созданию вассального государства в Кашгаре и оказанию поддержки сыну Якуб-бека Кашгарского Бек-Кули Беку.

Следы уйгурско-манихейской культуры в наскальных рисунках долины среднего Енисея

Дмитрий Васильев, Институт востоковедения РАН, Россия.

Во второй половине VIII века Уйгурский каганат стал сильным государственным образованием Внутренней Азии. В ходе его борьбы с племенами кыргызов, аз и чик в долине Енисея канату удалось завоевать почти всю территорию к северу от своей столицы – от Карабалгасуна до левого (южного) берега Верхнего Енисея. В долине Верхнего Енисея уйгуры выстроили цепь укрепленных пунктов в виде небольших крепостей, связанных в некоторых местах друг с другом подземными переходами.

Следует отметить, что раскопки этих строений (за исключением удаленной и недоступной летней резиденции кагана – крепости Пор-Бажын на озере Тере-Холь) не носили крупномасштабного и комплексного характера. Кроме того, историки не уделяли достаточного внимания различным отношениям, которые уйгуры поддерживали с населением долины Енисея: зачастую эпитафии на каменных стелах, сделанные тюркским руническим письмом, посвящены этим отношениям.

Находки последних лет, сделанные Эпиграфической экспедицией Института востоковедения РАН в Южной Сибири, открыли миру значительное количество рисунков на камне, которые с достаточной степенью уверенности можно связать с манихейской идеологией и символикой. Это указывает на то, что контакты между енисейскими кыргызами и уйгурами носили не только военный характер, и что культурная и миссионерская деятельность уйгурских проповедников по распространению манихейства достигла земель, лежащих далеко на север от завоеванных уйгурами территорий.

Синьцзян и «Один пояс и одна дорога»

Элизабет Уишник, Монтклерский колледж, США

В моем докладе рассматривается роль Синьцзяна в стратегии «Один пояс и одна дорога». Синьцзян является отправной точкой для коридора Китай-Центральная Азия-Западная Азия нового Шелкового пути, который включает в себя и китайско-пакистанский коридор, едущий к порту Гвадар. В докладе рассматриваются внутренние и внешнеполитические резоны увязывания одного из самых беспокойных регионов Китая с в равной степени нестабильными соседними странами. Во внутривнутриполитическом аспекте китайские власти давно выступали за экономическое развитие как противоядие требованиям культурной автономии в Синьцзяне, хотя выгоды от него зачастую получали в основном ханьские китайцы, что еще больше усугубляло недовольство уйгуров. Проект «Один пояс и одна дорога» должен увязать бывшую когда-то внутривнутриполитической задачей («Движение на Запад») со странами центрально-азиатского и западно-азиатского регионов. Во внешнеполитическом аспекте китайские власти стремятся решить проблему радикализма и терроризма в соседних Пакистане и Афганистане посредством помощи и инвестиций. В течение нескольких лет перед Китаем стояла дилемма: открывать или не открывать свой беспокойный Синьцзян для соседних стран в интересах развития. Стратегия «Один пояс и одна дорога» свидетельствует о том, что китайские власти сделали, похоже,

выбор в пользу открытия, хотя и у соседних стран имеются свои внутренние проблемы, которые могли бы усложнить ситуацию в Синьцзяне.

"Уйгурский поэт зеленого цвета": религиозная идентичность в современной уйгурской поэзии

Михал Зельцер-Лавид, Университет Бар-Илан, Израиль

Сложился широкий консенсус относительно значения ислама в качестве вдохновляющей идеи для уйгуров и неотъемлемого элемента их национальной идентичности. Однако, несмотря на его ключевую роль в культуре, в современной уйгурской литературе религия упоминается лишь изредка. Причиной тому, похоже, является политическая опасность этой темы. Однако, это также указывает и на статус религии в уйгурском обществе. Для многих религия является не только частью их традиции и идентичности, но и, в силу репрессий на религиозной почве, которым они подверглись в Синьцзяне, и национальным вопросом.

В настоящем докладе я попытаюсь доказать, что поэты, такие как Адиль Тунияз и другие, большинство из которых являются светскими городскими жителями, в ответ на китайскую характеристику ислама, как ассоциирующегося с фундаментализмом и терроризмом, предпочитают обращаться к религии посредством мистических или религиозных образов. Эти поэты, избегая сепаратистской символики, создают обширный национальный этос, укрепляющий современную уйгурскую идентичность.